

В ФОКУСЕ: РЕБЁНОК — РОДИТЕЛЬ — СПЕЦИАЛИСТ

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ВМЕСТЕ

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ВМЕСТЕ



СЕМЬЯ И ДЕТИ

ФОНД
ТИМЧЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНА И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ВМЕСТЕ

Москва
2014

Автор: Гобова Е.С.

Авторское название: Повышение социально-педагогической и психологической компетентности родителей: чувство привязанности как основа детско-родительских отношений.

Научиться быть вместе

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. – 120 с.

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист», Издательский проект программы «Семья и Дети» благотворительного фонда Тимченко

ISBN 978-5-9906015-1-2



Пособие ориентировано в первую очередь на замещающих родителей и сопровождающих их специалистов.

Книга предлагает знания о том, что такое чувство привязанности, на какие процессы жизнедеятельности семьи оно влияет, каким образом чувство привязанности формируется и при каких условиях оно может пострадать, нарушиться. Данные знания позволят родителям повысить свою профессиональную компетентность в области воспитания, образования и развития детей, а специалистам оказывать поддержку на более глубоком и качественном уровне.

© Гобова Е.С.

Все права защищены.
Никакая часть данного произведения
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельца авторских прав.

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию уникальную серию методической литературы по вопросам защиты детства «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». Программа «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко призвана помочь каждому ребенку жить и воспитываться в семье.

Очень актуальна подготовка замещающих родителей, которые создают возможности для развития ребенка, его социализации. Крайне важной нам представляется и работа, связанная с предотвращением отказов родителей от приемных детей, т.к. это наносит ребенку тяжелую эмоциональную и психологическую травму.

Сохранение ребенка в кровной семье или его перемещение в замещающую семью требует грамотной и тонкой работы специалистов сферы защиты детства. Вот почему большое внимание мы уделяем обучению и развитию специалистов.

При нашей непосредственной поддержке в регионах РФ создаются центры профилактики сиротства и семейного устройства «шаговой доступности», проводятся «Школы приемных родителей», оказываются услуги по сопровождению замещающих семей.

В процессе работы мы столкнулись с дефицитом качественной методической литературы. Так, в 2014 году возникла идея реализовать издательский проект «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». В серию включены произведения экспертов, практиков, замещающих родителей и приемных детей. Мы надеемся, что книги серии «В фокусе: ребенок-родитель-специалист» смогут поддержать и тех, кто только размышляет о приеме ребенка в семью, и тех, кто уже связан судьбой с приемным ребенком, и специалистов, которые помогают детям и семьям.

Предлагаемое пособие раскрывает такую важную и сложную тему, как привязанность: что это такое, на какие процессы жизнедеятельности семьи влияет, каким образом формируется и при каких условиях может нарушиться. Для специалистов и замещающих родителей доступным языком рассказывается про формирование чувства привязанности ребенка, которое начинается с момента его рождения и продолжает оказывать свое влияние на жизнедеятельность в течение всей истории его становления, развития, личного и профессионального самоопределения. Данные знания помогут вдумчивым родителям и специалистам выстраивать отношения с ребенком с учетом сформированного типа привязанности.

Мы будем признательны Вам за обратную связь и предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
руководитель программы «Семья и Дети»
кандидат социологических наук
Эльвира Гарифулина
egarifulina@timchenkofoundation.org

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Повышение уровня родительской компетентности в замещающих семьях (приемных, опекунских, патронатных)	5
Глава 1. Знакомство с типологиями чувства привязанности	10
Глава 2. Запечатленное чувство привязанности	19
Глава 3. Обособленное чувство привязанности	28
Глава 4. Амбивалентно-циклическое чувство привязанности.....	41
Глава 5. Потерянное чувство привязанности	50
Глава 6. Виртуальное чувство привязанности.....	69
Глава 7. Формы нарушения чувства привязанности ребенка в семье. Конструктивный и деструктивный смыслы изъятия ребенка органами опеки и попечительства	79
Глава 8. Особенности формирования чувства привязанности у приемного ребенка в приемной семье. Проявление двойственной природы чувства привязанности у приемного ребенка	95



ВВЕДЕНИЕ

Повышение уровня родительской компетентности в замещающих семьях (приемных, опекунских, патронатных)

Аннотация: Во введении анализируется современное состояние подготовки замещающих родителей, а также изучаются основные трудности, которые испытывают приемные родители в процессе воспитания ребенка из детского дома. В качестве наиболее значимых и важных выделяются трудности, связанные с преодолением внутренних и внешних родительских страхов, а также трудности в формировании чувства привязанности приемных родителей к ребенку, оставшемуся без попечения родителей.

При изучении проблем психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века Д.И. Фельдштейн утверждал, что «человек, человечество находятся сейчас в более сложном, многополярном и разнородном мире, где принципиально изменилось социокультурное, информационно-психологическое пространство жизнедеятельности, постоянно испытывающее людей на прочность»¹.

В развитие данной мысли следует отметить, что испытывается на прочность не только каждый конкретный человек, но и создаваемые людьми семьи, различные сообщества, коллективы. В мире

¹ Социальная педагогика в России. – 2013. – № 1. – С. 3-18.

педагогической, социальной и психологической науки и практики стали актуальными научные знания, востребованные в контексте дополнительного профессионального образования *взрослых людей*, которые стремятся повысить свою устойчивость к негативным воздействиям, упрочить свое положение в изменчивых обстоятельствах жизни. Во многом это достигается за счет эффективного расширения профессиональной компетентности не только в профессиональной деятельности, но и в личных, семейных отношениях.

С одной стороны, люди не справляются с выполнением своих родительских обязанностей, не могут устоять перед социальными и психологическими трудностями. В результате семьи разрушаются, родителей лишают через суд родительских прав, а дети помещаются в детские закрытые учреждения. С другой стороны, люди стремятся помочь обездоленным детям, которые живут в детских домах и страдают от одиночества и непонимания. В результате люди, желающие взять ребенка в семью, принимают на себя ответственность, верят в устойчивость своих семейных отношений и надеются на свой родительский положительный опыт в воспитании детей, чаще всего не предполагая, какие изменения ждут их семью, с какими юридическими, медицинскими, социальными и психологическими трудностями им придется столкнуться. Поэтому родители вынуждены повышать свою профессиональную компетентность в области педагогики, социальной педагогики, психологии в вопросах воспитания детей.

На современном этапе активно развиваются семейные формы устройства детей, лишенных родительской опеки. С каждым годом увеличивается количество детей, взятых на воспитание в замещающую (приемную или опекунскую) семью на территории всей России. Так, например, за 2012 год только в Свердловской области 1414 детей передали на воспитание в замещающую семью, в Красноярском крае – 1389 детей, в Челябинской области – 1338 детей, в Кемеровской области – 1265 детей, в Пермском крае – 1226 детей, в Ростовской области – 1092 ребенка, в Республике Башкортостан – 1157 детей, в Москве – 1069 детей, в Краснодарском крае – 1021 ребенок, в Алтайском крае – 911 детей.¹

К приемной или опекунской семье, взявшей на воспитание ребенка из детского дома на возмездной основе, предъявляют

¹ Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ, Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей.

ся профессиональные требования к выполнению родительских функций в области целенаправленного воспитания и развития приемного ребенка.

Однако даже при наличии у замещающей семьи положительного опыта воспитания кровных детей отсутствие положительно-го опыта проживания в семье у приемного или опекаемого ребенка будет создавать определенные трудности. Кроме того, детей из детского дома характеризуют отставание в развитии, психические, физиологические отклонения, спровоцированные неблагоприятной обстановкой внутри кровной семьи, возможным физическим и психическим насилием над ребенком или потерей кровной семьи, а также длительным пребыванием в детском доме. Опыт развития семейных форм устройства детей, лишенных родительской заботы на территории России, свидетельствует о необходимости проведения специализированной подготовки приемных родителей, опекунов и усыновителей. В связи с этим с 1 сентября 2012 года подготовка родителей, желающих взять в свою семью на воспитание приемного ребенка в «Школе приемных родителей» стала *обязательной* (за исключением близких родственников детей, а также лиц, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей).¹

В процессе воспитания детей из детского дома приемные родители и опекуны испытывают широкий спектр как внутренних, так и внешних проблем. Многие родители отмечают, насколько тяжелым бывает их родительский труд. Сложности возникают на каждом этапе адаптации приемного ребенка к замещающей семье, и родители стремятся не только получить знания в области социальной педагогики, психологии, но и научиться применять их в процессе воспитания детей. Радость и счастье, которые испытывают родители от процесса воспитания, искупают родительские мучения: бессонные ночи, тягостные размышления, чувство обиды, вины, невероятную усталость от того, что приходится каждый раз начинать все сначала.

«Я думаю, что многие приемные родители интересуются тем, а почему, собственно, растить приемного ребенка так сложно? Почему они должны прочесть массу книг о воспитании ребенка

¹ Федеральный закон от 30.11.2011 № 351-ФЗ «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

и еще столько же книг, касающихся приемных детей? Почему недостаточно просто взять ребенка к себе домой и любить его? Я подозреваю, что быть родителями тяжело по определению. Мы можем быть счастливы, если столкнемся при воспитании ребенка с такими проблемами, которые сможем сразу разрешить. Нам повезло, если, пытаясь ответить на вопрос, почему мы хотели стать родителями, мы пришли к выводу, что мы хотим воспитывать детей. Это удача для нас, если мы понимаем, что привязанность людей друг к другу возникает только в результате добрых взаимоотношений. Наше счастье, если мы осознаем, насколько важна окружающая обстановка для воспитания детей, верим, что ни в коем случае нельзя пытаться вылепить из ребенка заранее придуманный идеал. Нам повезло, если мы вступаем в родительские обязанности, понимая, что наши дети понесли огромную потерю и глубоко переживают ее. Мы не можем защитить их от боли, но можем создать условия, в которых им будет уютно.

Родители могут просто взять ребенка домой и любить его, но все мысли, которые посетили нас, когда мы примеряли на себя роль приемных родителей, все вопросы и проверки, которым мы подвергали свое представление о семье, все наши попытки увидеть мир глазами ребенка – все это сделает нас лучшими родителями и сближает нас с нашими детьми» (Бурлакова Неля Шамиевна, г. Астрахань, участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей», реализованного ФГНУ «Институт социальной педагогики» РАО в 2011-2012 годах).

Анализ личного опыта замещающих родителей в воспитании приемных детей позволяет сделать вывод, что родительский труд является не только обязанностью каждого взрослого человека, но обладает благородным предназначением, поскольку позволяет наполнить жизнь человека радостным смыслом. Для того чтобы приемные родители, взявшие на воспитание ребенка из детского дома, чувствовали себя уверенно, они должны чувствовать поддержку своего рода, семейно-соседского социума, общественности и государства в целом.

Кроме того, приемные родители значительно повысят свою внутреннюю уверенность, если смогут научиться выстраивать доверительные, эмоционально теплые и устойчивые отношения, которые в свою очередь станут крепким фундаментом для формирования чувства привязанности между родителями и детьми. И в этой связи

мы предлагаем родителям знания о том, что такое чувство привязанности, на какие процессы жизнедеятельности семьи оно влияет, каким образом чувство привязанности формируется и при каких условиях оно может пострадать, нарушиться. Данные знания позволят родителям повысить свою профессиональную компетентность в области воспитания, образования и развития детей.



Глава 1.

ЗНАКОМСТВО С ТИПОЛОГИЯМИ ЧУВСТВА ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной главе дан обзор наиболее известных в нашей стране типологий чувства привязанности таких зарубежных психологов, как Джон Боулби, Мэри Эйнсворт, П. Криттенден. Кроме того, доказываемся значимость установления эмоционально теплых, близких, устойчивых и продолжительных отношений ребенка с матерью в младенчестве и раннем детстве, так как чувство привязанности влияет на качество детско-родительских отношений в течение всей жизни семьи и обеспечивает защиту и безопасность ребенка как внутри семьи, так и в социуме.

Рождение и развитие ребенка – процесс многогранный и многоуровневый, на который влияет множество исторических, генетических, биологических, психологических, социальных, национальных, воспитательных и образовательных факторов. Мы же стремимся сконцентрироваться на таком важном социально-психологическом факторе, как *формирование чувства привязанности ребенка*, которое начинается с момента его рождения и продолжает оказывать свое влияние на жизнедеятельность в течение всей истории его становления, развития, личного и профессионального самоопределения.

И так же как зачатие, вынашивание и, наконец, рождение ребенка обладает своим таинством, так и вся его последующая сознательная и бессознательная жизнь полна приключений, впечатлений, открытий, ощущений, чувств и эмоций. Ребенок учится быть самим собой, учится быть мальчиком или девочкой, учится тянуться к тому, что его больше всего впечатляет и захватывает, учится совершать различные действия своими силами и, конечно же, учится *привлекать к себе внимание* для того, *чтобы его интересы удовлетворялись, потому что это дает ему необходимое чувство комфорта и безопасности.*

Безусловно, ребенок учится с рождения не только сам, подражая и подыгрывая. Его учат родители и прародители, его окружают определенные условия и обстоятельства, для его развития создаются пространства и привлекаются различные специалисты для каждого временного периода его невероятной и чудесной жизни. Ибо *жизнь следует воспринимать как чудо*, а иначе стоит ли вообще думать о ней.

Маленькое, беззащитное при рождении существо, явившись на белый свет, нуждается в защите и поддержке, понимании и заботе, уходе и ласке, внимании и любви. Еще не зная ничего, младенец знает многое. Знает потому, что всем своим телом и душой он чувствует, как к нему относятся: как его кормят, как его убаюкивают, как его гладят, как с ним разговаривают, как его держат на руках и как его кладут в кроватку, как его берут на руки и как на него смотрят, как его купают и как его вытирают, как с ним играют и какие песенки ему поют, как его пеленают и как его оставляют одного, как прибегают на его крик и как кричат на него, как дергают за руки и как бросают на кровать, как его мучают голодом и холодом и как заставляют рыдать и изворачиваться всем телом. Бесконечное множество тактильных ощущений, которые создают либо *чувство безопасности и комфорта*, либо *чувство тревоги* и судорожного, захлебывающегося дергания, *чувство приятного блаженства* или *чувство одиночества и несчастья*, ощущения *бодрости* и необыкновенной *живости* или ощущения *вялости* и *безнадежности*. Жизнь, она ведь такая разная! И люди, они ведь тоже такие разные...

Английский психолог и психоаналитик, специалист в области психологии развития, психологии семьи, психоанализа и психотерапии Джон Боулби утверждал, что необходимым условием сохранения психического здоровья детей в *младенчестве и раннем*

детстве является наличие эмоционально теплых, близких, устойчивых и продолжительных отношений с матерью (или лицом, постоянно ее замещающим) — таких отношений, которые *обоим приносят радость и удовлетворение*. В то же время как человек, знающий практическую сторону жизни, Боулби понимал и всячески подчеркивал, что огромную роль в этом вопросе играет *не только семья, но и общество* в целом, поскольку только оно может создать макроэкономические условия, при которых возможны нормальные детско-родительские отношения: *«Если общество дорожит своими детьми, оно обязано заботиться об их родителях»* [1, 87].

В основу первого значительного эмпирического исследования Боулби лег его опыт индивидуальной работы с детьми в одной из детских клиник Лондона, где он практиковал в качестве психиатра. В процессе детального изучения 44 детей с нарушениями поведения и склонностью к воровству он описал так называемый *безэмоциональный характер* и установил, что по разным причинам большинство из этих детей *потеряли мать в самом раннем детстве и не имели никакой постоянной замещающей привязанности*.

Боулби считал, что к концу первого года жизни малыша привязанность фиксируется на определенном лице, и в результате интериоризации отношений с ним складывается *рабочая модель*, которая выступала и продолжает выступать основным понятием в теории привязанности. Рабочая модель была разработана для переосмысления и развития психоаналитической *концепции отношений*, которые *индивид выстраивает при взаимодействии с другими людьми и миром*. Кроме того, рабочая модель, как ключевое понятие теории привязанности, была необходима для понимания того, каким образом ребенок, как индивид, воспринимает происходящие с ним события и каким образом он, как субъект, через свое чувство привязанности ощущает себя и окружающий мир.

На основе накопленных фактических данных Боулби вносит принципиально важное уточнение относительно понимания *психологического содержания роли матери, заботящейся о ребенке*: наиболее важным компонентом материнского ухода является внимание к сигналам, подаваемым ребенком, и общение с ним, а не сам по себе повседневный уход.

Вместе со своей коллегой Мэри Эйнсворт он подчеркивал, что обычно используемое понятие *«материнский уход и забота»* является слишком широким и позволяет толковать его как главным

образом обслуживание органических потребностей ребенка. Между тем, избирательный характер проявлений привязанности младенца недвусмысленно показывает, что он явно предпочитает тех лиц, которые не просто ухаживают за ним, но *вступают с ним в активное и эмоциональное взаимодействие* — привлекают внимание, ласково разговаривают, улыбаются, играют.

В качестве главных факторов формирования привязанности ребенка к матери, согласно Боулби, выступают, во-первых, *чуткость* ее реагирования на подаваемые ребенком сигналы и, во-вторых, частота и длительность реального *взаимодействия* с младенцем: «Матери, чьи дети имеют наиболее надежную привязанность к ним, отличаются тем, что реагируют немедленно и взаимодействуют со своими детьми — к их обоюдному удовольствию».

На наш взгляд, такая модель взаимодействия матери с ребенком будет способствовать *формированию и обособленного, и циклического чувств привязанности*. Наиболее стабильным и надежным чувством привязанности, безусловно, является обособленное чувство привязанности, поскольку именно оно *опирается на духовную силу общения матери с ребенком, на поэтапное развитие способностей ребенка в игре, оно направлено на познание и обучение*.

Причина влияния типа привязанности на познавательное развитие ребенка в том, что между удовлетворением потребности ребенка в безопасности и готовностью к познанию мира существует *прямая зависимость*. Если мир представляется ребенку доброжелательным и безопасным, то бояться нечего и можно смело исследовать мир. Действительно, все отношения ребенка с миром в раннем возрасте опосредованы общением и сотрудничеством с взрослым, поэтому характер такого сотрудничества, обуславливающий тип привязанности, решающим образом определяет *открытость ребенка к взаимодействию с миром*. Нарушение эмоциональной связи вследствие, например, *длительной разлуки* ребенка с матерью, объектом его чувства привязанности (запечатленного, обособленного или циклического), особенно в первые годы жизни ребенка, приводит к нарушению, искажению или *задержке его познавательного и эмоционального развития*.

«На языке субъективного переживания, — пишет Боулби, — образование привязанности описывается как *начало влюбленности*, сохранение привязанности — как любовь кого-либо, а утрата партнера — как печаль о ком-либо. Сходным образом угроза утраты

любимого лица порождает тревогу, а действительная утрата – скорбь, в то время как обе эти ситуации склонны вызывать гнев. Наконец, *ненарушаемое сохранение привязанности переживается как источник безопасности, а возобновление привязанности – как источник радости»* [2, 103].

Как отмечает Е.О. Смирнова, Боулби подчеркивал, что система привязанности имеет свою *внутреннюю мотивацию*, которая включает две противоположные тенденции: стремление к новому, к «опасности» и поиск поддержки и защиты. Боулби полагал, что система привязанностей активизируется при столкновении с опасным и неизвестным и не работает в привычной, знакомой, безопасной обстановке. Соответственно, чем больше опасность, тем острее потребность в контакте с матерью и ее защите, а при отсутствии опасности возможно физическое отдаление от объекта привязанности. Кроме того, не вызывает сомнений тот факт, что основная функция объекта привязанности, по теории Джона Боулби, заключается не в удовлетворении врожденной потребности в любви (как в классическом психоанализе), а в обеспечении защиты и безопасности. Поэтому *наличие привязанности является необходимым условием исследовательского поведения ребенка* [3, 139].

Так, например, в экспериментах *Мэри Эйнсворт*¹ были выделены три основных типа привязанности: *надежная/безопасная* (60-65% детей), *тревожно-избегающая* (15-20%) и *тревожно-амбивалентная/протестующая* (15%). Позже эта классификация была дополнена *тревожно-дезорганизованным* типом.

Надежная привязанность, удовлетворяя потребность ребенка в безопасности, характеризуется эмоционально-позитивными взаимоотношениями ребенка и близкого взрослого, близостью и интенсивностью характера взаимодействия, реакцией дистресса на сепарацию (разлуку) и положительной эмоциональной реакцией на воссоединение, высокой степенью познавательной активности ребенка.

Тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанность вследствие неуверенности ребенка в поддержке со стороны взрос-

¹ Доктор психологии, окончила Университет в Торонто, работала ассистентом Дж. Боулби, исследовала паттерны привязанности у младенцев в Уганде, США, Англии. – <http://bit.ly/A9Hs2r>, <http://www.hr-portal.ru/article/razvitie-teorii-privyazannosti>.

лого отличается высокой тревожностью, стратегией поиска наиболее близкого контакта со взрослым. В ситуации разлуки с близким взрослым резко снижается познавательная активность. Ярко выражены протестные реакции на отделение от взрослого.

Тревожно-избегающий тип привязанности характеризуется дистанцированием ребенка и избеганием общения с взрослым на фоне высокой тревожности.

Тревожно-дезорганизованный тип привязанности отличается восприятием ребенком мира как враждебного и угрожающего. Доминирование тревоги и страха в эмоциональном состоянии ребенка вызывает дезорганизацию, непредсказуемость и хаотичность в его поведении.

Как отмечают Е.О. Смирнова и Р. Радева в своей статье, написанной в 1997 году, тенденция к образованию привязанности *генетически задана*, ее качество или тип *зависит от условий воспитания и главным образом от отношений с матерью*, т.е. определяется чувствительностью матери к потребностям ребенка и ее нежностью и заботой [4, 105-116].

В соответствии с этим выделяют три типа привязанности:

Тип В – у чувствительных и заботливых матерей вырастают дети уверенные в себе, с чувством собственной безопасности и *надежной привязанностью*.

Тип С – у матерей с непоследовательным и непредсказуемым типом реагирования дети испытывают неустойчивое напряженное отношение к матери; такая привязанность была названа *тревожно-амбивалентной*.

Тип А – ограничивающие, нечувствительные и отвергающие матери имеют избегающих и неуверенных детей, с *ненадежной привязанностью*, которая сопровождается чувством опасности.

Итак, основные принципы теории привязанности были сформулированы в работах Джона Боулби и Мэри Эйнсворт в 60-80-х годах прошлого века. В развитии теории привязанности *П. Криттенден*¹ интегрировала несколько современных концепций, таких как теория научения, теория Жана Пиаже, теория обработки информации и этологического подхода. Принципиальным, как

¹ П. Криттенден – ученица и аспирантка Мэри Эйнсворт, директор Института социальных отношений во Флориде.

считают Е.О. Смирнова и Р. Радева, является разделение двух типов информации, доступных человеку, – *когнитивной* (интеллектуальной) и *аффективной* (эмоциональной). Согласно взглядам Криттенден, *чувствительность ребенка* к определенному виду информации и его способам интегрировать в целостную модель поведения *зависит от условий взаимодействия ребенка с матерью*. Каждому типу привязанности соответствуют определенные способы переработки и интеграции информации, которые порождают соответствующие модели поведения.

Когда поведение ребенка отвергается или вызывает неприятные для него воздействия, оно получает отрицательное подкрепление, и в дальнейшем будет скрываться. Такой ребенок избегает открытого проявления своих эмоций и потребностей. Поэтому данный тип привязанности был назван «избегающим». Дети, которые к годовалому возрасту проявляли *«избегающий» тип привязанности* (тип А), обычно имели опыт отвержения со стороны матери при попытках аффективного (эмоционального) взаимодействия с ней. Если младенец протестует против отвергающего поведения матери, то к отвержению прибавляется гнев с ее стороны. Отсутствие же аффективных (эмоциональных) реакций значительно снижает вероятность неприятных последствий. Ребенок усваивает, что результаты аффективного поведения могут быть непредсказуемыми и опасными. По этой причине ребенок будет пытаться *сдерживать проявление своих эмоций*.

Примерно к 9 месяцам младенец уже может сфокусировать выражение своих переживаний на другом человеке: гнев становится агрессией, направленной на объект привязанности, страх и желание близости (потребность в любви) также становятся «эмоциями», направленными на другого. Но без определенной и стабильной стратегии поведения окружающих *поведение ребенка остается неорганизованным и тревожно-амбивалентным* (тип С). *Фиксация детей с тревожно-амбивалентным чувством привязанности только на аффекте (эмоциональности) и межличностных взаимодействиях может ограничивать их когнитивное (интеллектуальное) и познавательное развитие*.

Таким образом, по представлению П. Криттенден, к концу младенчества дети с «*уверенным*» *типом привязанности* (тип В) усваивают коммуникативное значение множества средств общения. У них складывается внутренняя модель, которая *интегрирует ин-*

формацию из обоих источников: и из когнитивных (интеллектуальных), и из аффективных (эмоциональных) источников в модели поведения, максимально обеспечивающие безопасность и комфорт ребенка. «Избегающие» дети (тип А) научаются организовывать свое поведение без использования аффективных (эмоциональных) сигналов. Они пользуются в основном когнитивной (интеллектуальной) информацией, которой они к тому же не доверяют и не могут с помощью интеллектуальной организации своего поведения компенсировать непоследовательность и импульсивность матерей. А тревожно-амбивалентные дети (тип С), как мы уже отмечали, будут опираться на аффективную (эмоциональную) информацию и межличностное взаимодействие, ограничивая себя в познавательной активности.

При этом возникает ряд противоречий между сложившейся у ребенка примитивной моделью взаимодействия и усложняющимися отношениями с взрослым. Мы постараемся проследить, каким образом формируется чувство привязанности ребенка к матери и чувство привязанности матери к ребенку в течение младенчества, детских и юношеских лет. Мы будем неоднократно возвращаться к типам привязанности, разработанным нашими предшественниками-исследователями для того, чтобы развить представления об этом сложном чувстве и понять глубину его влияния на всю жизнь человека.

В современном обществе третьего тысячелетия уже возникло понимание, что мать и ребенок друг другу должны приносить только радость и удовлетворение. И что у ребенка должен быть отец, который занимается его воспитанием. Это в идеале! А что происходит в реальной жизни? Как формируется чувство привязанности ребенка к матери (или к отцу, сестренке, бабушке?) на основе его личного опыта постоянных тактильных ощущений? Как возникает модель взаимодействия ребенка с объектом своего чувства привязанности? И каким образом мать как объект чувства привязанности может развивать отношения со своим ребенком, совершенствовать их? Об этом и о многом другом мы будем рассуждать в следующих главах, посвященных определенным типам чувства привязанности, а именно **запечатленному, обособленно-му, циклично-амбивалентному, потерянному и виртуальному.**

Список литературы, используемой в 1-й главе:

Джон Боулби. Привязанность. Под редакцией Г. Бурменской, М.: Издательство «Гардарики», 2003. – С. 84-480.

Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – Москва, Академический Проект, 2004. – С. 103.

Е.О. Смирнова. Теория привязанности: концепция и эксперимент. – Вопросы психологии, 1995. – № 3. – С. 139.

Е.О. Смирнова, Р. Радева. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден). – Вопросы психологии, 1999. – № 1. – С. 105-116.



Глава 2.

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ ЧУВСТВО ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной статье анализируется процесс формирования запечатленного чувства привязанности: дается расширенное понимание такого понятия, как «запечатление», и его влияние на качество детско-родительских отношений в течение всей жизни семьи.

По нашим наблюдениям, чувство привязанности бывает пяти типов. Первый тип – запечатленное чувство привязанности, второй тип – обособленное чувство привязанности, третий тип – амбивалентно-циклическое чувство привязанности, четвертый тип – потерянное чувство привязанности и пятый тип, появившийся сравнительно недавно – виртуальное чувство привязанности, или чувство причастности к созданию виртуального контакта.

Данная глава посвящена первому типу – **запечатленному чувству привязанности**. Из всех типов привязанности этот тип наиболее *сильный и долговечный*. Название данного чувства привязанности неслучайно и имеет глубокие корни. Еще в 1935 году была опубликована на немецком языке работа австрийского ученого *Конрада Лоренца*, который открыл явление запечатления у птиц. А в 1973 году за исследования социального поведения у животных, в том числе за подробное описание механизма импринтинга (запечатление образа родителя) у птиц (серых гусей), Конраду Лоренцу

была присуждена *Нобелевская премия*. Он обнаружил, что гусята, которым в первые 18 часов после появления на свет не показывали гусыню, *принимали за мать первый движущийся объект*. Гусята следовали за ним, подражая ему во всем, даже если этим объектом были мяч, трехколесный велосипед или сам исследователь – т.е. Конрад Лоренц (Лоренц, 1998).

Биологический смысл импринтинга, как пишет Елена Ивановна Николаева, профессор кафедры психологии и психофизиологии ребенка Российского государственного университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор биологических наук, объясняется следующим образом: «Малыш должен *подражать* именно своим родителям, поскольку, имея потомство, они уже *доказали свою состоятельность* в борьбе за выживание как особи, способные дожить до половой зрелости, найти себе пару и эффективно воспитывать потомство (а увидеть сразу после рождения детеныш должен именно своих родителей). По этому биологическому механизму в случае опасности гусята бежали к своей матери (или к тому объекту, который видели в первые часы после рождения)» [1, 12].

Сама возможность феномена запечатления — установления прочной связи птенца с матерью, возникающей *безотносительно к удовлетворению его первичных физиологических потребностей*, — указывала на существование принципиально иных (чем, например, пищевое подкрепление) механизмов образования тесных отношений между родителями и потомством. Запечатление, открытое Конрадом Лоренцом, заинтересовало Джона Боулби, и именно он впервые *перенес этот феномен на отношения между ребенком и его родителями*.

На наш взгляд, запечатление происходит на *энергетическом уровне*: что-то яркое, настолько сильное впечатляет малыша в определенном человеке, контактирующем с ним, что возникает самая уникальная, самая прочная и надежная привязанность, и ничто в мире не может ее разрушить или поколебать.

Период формирования импринтинга, т.е. запечатление образа родителя, происходит у ребенка в первые несколько часов от рождения. Мы считаем очень важным, чтобы именно рождение ребенка и первые часы после родов ребенок чувствовал рядом с собой и мать, и отца. И это первое общение малыша, возможно, позволит ему сформировать запечатленное чувство привязанно-

сти, следовать требованиям родителей инстинктивно. Что же может воспринять новорожденный человечек? Что именно входит в образ родителя? Известно, что новорожденный плохо видит. Однако у ребенка активны участки мозга, отвечающие за обработку других сенсорных сигналов: тех, которые мозг уже принимал и обрабатывал в утробе матери. Все ощущения, относящиеся к этой сфере, исходящие от взрослого, и составляют образ родителя (Филиппова, 2002)[1, 12-13].

Уже в утробе матери ребенок воспринимает вкус, поскольку, помещенный в амниотическую жидкость, заглатывает некоторое количество этой жидкости, и его рецепторы обучаются воспринимать вещества, которые в ней находятся. Рецепторы передают сигнал в мозг, а соответствующие клетки учатся его обрабатывать (Васина, 2005).

Точно так же еще в утробе матери ребенок воспринимает и запах. Но уже к семи месяцам от роду он может слышать. И привыкает к голосу матери и людей, часто общающихся с ним. Ребенок плавно покачивается в жидкости, поэтому у него начинают работать вестибуляторные рецепторы, расположенные во внутреннем ухе, и уже при рождении ребенок запоминает, как разные люди берут его на руки. «Следовательно, – пишет Е.И. Николаева, – образ родителя – это не зрительный образ конкретного человека, а комплекс ощущений, запаха и вкуса, а также некоторые перемещения в пространстве, когда родитель берет ребенка на руки. Поэтому значение взрослых людей, которые были с ребенком на ранних этапах, невозможно недооценить».

Если у ребенка сформировалось при рождении *запечатленное чувство привязанности*, то в течение жизни ребенок будет испытывать *инстинктивную тягу к объекту* своего запечатлевания (множество вещей, которые человек запоминает), ребенок будет чувствовать «зов крови», который будет оказывать влияние на его становление и развитие, как мы уже отмечали, в течение всей его жизни. В данном контексте возможны различные варианты интенсивности проявления чувства запечатления матери к ребенку. В таких ситуациях мать может даже не допускать возможности расставания со своим сыночком или доченькой, поскольку только рядом с объектом запечатления она чувствует себя спокойно, только под ее присмотром ребенок может играть, спать, общаться с другими детишками.

«С момента рождения наших детей семь лет тому назад моя жена считает, что они безраздельно принадлежат ей. Они спят вместе с нами, распорядок дня определяет она, в детский сад они не ходят (чтобы она могла контролировать, с кем они общаются), активные игры с сыном под запретом, даже просто на прогулку не могу сходить с ними без ее ведома. Про бабушек даже заикаться бесполезно. Дети должны быть под ее неусыпным контролем. Я вижу, что из-за такой опеки у них мало друзей. Над сыном уже смеются ровесники. Но переубедит жену бесполезно, а скандалить не хочется».

Таким образом, запечатленное чувство привязанности может настолько сковать детско-родительские отношения, что рано или поздно это приведет к нарушению нормального развития познавательной активности ребенка, развития его способностей, особенно в социальном плане. Как правило, дети, у которых формируется запечатленное чувство привязанности, очень тяжело выкают к посещению детского садика, болезненно воспринимают разлуку с объектом своего запечатления, часто болеют, делают все возможное, лишь бы не расставаться с мамочкой, потому что только рядом с ней они чувствуют себя в безопасности.

Даже *смерть* не властна над запечатленным чувством привязанности, поскольку ребенок (не важно, в каком возрасте) продолжает думать, вспоминать, ходить на могилу человека, с которым *он должен связывать* запечатленное чувство привязанности. Только это чувство дает силу и энергию, например, 55-летней женщине ежедневно ухаживать за своими престарелыми родителями, ежедневно приезжать к ним, выполнять любые капризы, несмотря на то, что ей самой нелегко живется и времени на свою личную жизнь не хватает. Как можно рационально объяснить это неумное желание угодить, быть рядом, быть заботливой дочерью или сыном? И это *не обычный долг перед родителями*, который можно выполнить один раз и успокоиться. Это *не черта характера*, называемая совестью. Это что-то глубоко подсознательное, никоим образом не связанное с *выгодой* («Знаем мы, зачем она туда ездит, она ждет, что ей квартира достанется!»). И уж тем более данное чувство *не зависит от социально-психологического влияния*: родители не могут со своей стороны ни заставить, ни упросить, ни потребовать такого чуткого, преданного и внимательного отношения к себе. Как мы уже сказали, *запечатленное чувство привязанности не зависит* ни от характера родителей, ни от того, любили ли они своего ребенка, удовлетворяли ли они его интересы, хорошо ли они воспитали свое дитя,

дали ли они ему образование, помогли ли встать на ноги, подарили ли ему машину, квартиру и т.п. Это как *печать самого Господа на вечную память*. Это абсолютное бессознательное и порой безответное чувство, которое дано не каждому человеку от его рождения.

В качестве примера приведем такую историю:

«У жены постоянно болеют родственники. Мы женаты 5 лет – за это время болели тетья, дедушка, дважды мама лежала в больнице, отец – три раза. Ухаживать кроме жены некому – все ведь больные, а она ради семьи себя не бережет абсолютно: вся постоянно на нервах, не спит толком. Но вроде все наладилось – здоровье улучшилось у всех. Начали задумываться о ребенке. Итог – тещу опять забирают в больницу, а следом жену с инфарктом. В 30 лет!!! Теща опять бодрячком, а жена еле ходит. Даже не звонит ей никто – «от тебя один негатив». За доброту жена получила больное сердце и запрет врачей на роды. Запретил ей даже звонить им. А она ходит и каждый день переживает – как они там, о них ведь позаботиться некому. Доводит себя. Не могу с ней справиться и переубедить».

Однако проявлять запечатленное чувство привязанности очень сложно. И здесь ребенок зависит от того, может ли он явно проявить свое чувство к объекту своей привязанности или ему приходится это делать тайно. Поэтому, на наш взгляд, мы бы стали различать **явное** запечатленное чувство привязанности и **тайное** запечатленное чувство привязанности.

Любое другое чувство, связанное с любовью, имеет временное ограничение. Например, молодой человек влюбился в девушку, но был отвергнут. Какое-то время молодой человек может страдать, не находить себе места... Но рано или поздно он, возможно, влюбится в другую девушку, которая ответит ему взаимностью и они вместе создадут счастливую семью. С запечатленным чувством привязанности происходит не так. Здесь неважно, отвечают ли ему взаимностью родители, или конкретный человек, к которому привязался ребенок, или, наоборот, всячески стремятся избегать контактов с ним, проявляют холодность, отчуждение. Как мы уже отмечали, теплые отношения матери, которая подстраивается и принимает любовь своего ребенка, приводят к явному запечатленному чувству привязанности. Холодные отношения матери, которая может не проявлять к ребенку нежной заботы и ласки, приводят к тайному запечатленному чувству привязанности. Ибо запечатление сохраняется в любом случае!

Пример: «Я ужасно устал изображать счастливого человека на людях, когда на самом деле глубоко несчастен. Три года назад после 7 лет отношений от меня ушла жена. Ушла к другому мужчине. Простил, отпустил. В ответ ушел с головой в работу и серьезно продвинулся по карьерной лестнице, занялся спортом – сбросил вес и накачал пресс, занимаюсь йогой, завел множество полезных и интересных знакомств, прочитал полсотни книг, увлекся изучением языков – учу уже четвертый. Живу с хорошей женщиной. Расставание стало для меня огромнейшим импульсом в жизни. Вот только за три года не было ни дня, чтобы я не думал о ней. Хотя бы здесь, хотя бы анонимно, я могу сказать, что все еще люблю её, так же безумно, как и в день нашего расставания, как в день нашего первого поцелуя. Я так и не смирился, а время так и не ослабило горечь расставания. Каждую ночь, засыпая, я представляю в разных вариациях наше чудесное воссоединение, понимая, что оно невозможно. Но каждый день я улыбаюсь коллегам, знакомым, женщине, с которой живу».

Конечно, очень важно, чтобы ребенок имел возможность *явно, открыто проявлять свои чувства в любом возрасте*: постоянно быть рядом, бережно ухаживать, восторженно рассказывать обо всем, что с ним случилось, нежно держать за руку и желать только одного – чтобы это мгновение длилось вечно. Не обязательно, что явное чувство запечатленной привязанности будет иметь *положительную эмоциональную окраску*. Это может быть и агрессивное проявление, доходящее до открытой ненависти. Но даже ненависть, связавшая ребенка и родителя, будет запечатленной и вечной. Потому что уже *не важно, какая именно эмоция будет преобладать* в этом глубоком чувстве запечатленной привязанности. Здесь важным было и будет только *само стремление к отношению* с конкретным человеком, к которому испытывается данное чувство!

Но даже это дано не каждому ребенку: родителей не выбирают! И тогда ребенок вынужден совершить *перенос* проявления своего чувства из *реальной жизни в сферу воображаемой жизни*, в мир грез и мечтаний. Тайные желания угодить своей мамочке или папочке могут привести ребенка к *детскому неврозу*. И здесь можно обратиться к работам основателя психоанализа Зигмунда Фрейда, в которых он наиболее открыто и глубоко описывает и *Эдипов комплекс*, и эротические фантазии детей в *сновидениях*, и неявные, глубоко спрятанные, но *очень значительные связи*, влияющие на *душевное равновесие* и сферу занятий: «В гимназии он увлекся язы-

ками и филологией и в пятнадцать лет написал небольшую книжонку о сравнительном изучении языков, в которой была глава, посвященная слову «отец» на трехстах двадцати языках» [2, 546].

Смысл запечатленного чувства привязанности в том, что в течение всей жизни данное чувство не сможет быть замещено другим интенсивным чувством к другому объекту – даже любовью к жене, мужу, детям и т.д. Как мы уже отмечали, это чувство сродни вечной печати Господа. И какими бы удивительными и глупыми ни казались нам ссоры внутри семьи о том, что муж не слушается жену и по всем вопросам обращается за советом к «мамочке», мы не можем сами прочувствовать всю глубину и абсолютность запечатления. Обыденный уровень сознания не может вместить в себя истинных причин происходящих ссор и конфликтов. В данной ситуации выбор уже сделан с рождения и на всю оставшуюся жизнь. Великой глупостью как раз таки является предложение жены сделать выбор мужу, который испытывает запечатленное чувство привязанности к матери. «Или я или твоя мать!» – вот изначальное ошибочное суждение жены, неспособной в реальной жизни понять и принять запечатленное чувство привязанности своего мужа к матери. *Запечатление не может сменить свой объект.* Выбранный единожды объект вечен, постоянен, бессмертен! И жене, желающей сохранить семью, придется либо принять это как абсолют, либо преодолеть в себе стремление самой стать объектом привязанности своего любимого мужа, либо полюбить свою свекровь так же сильно, как ее избранник, любимый мужчина, отец ее детей.

Запечатленное чувство привязанности формируется не только в детстве и не только между родителями и детьми. Оно может возникнуть и в зрелом возрасте: мужчина может полюбить женщину с первого взгляда, даже не понимая, что привело его в состояние невероятной преданности к данному человеку. На самом деле, чувство привязанности может возникнуть в результате общения на различных этапах жизни и, безусловно, будет определять качество сформированных отношений.

Приведем как пример запечатленного чувства привязанности такую историю:

«Мне 26 лет, женился год назад на прекрасной девушке. Она на год младше. Казалось, живем душа в душу, люблю ее безумно. Иногда замечал, что она почему-то грустная временами, будто что-то ее беспокоит. Но она улыбалась и говорила, что все хорошо. Однаж-

ды ее не было дома, и так вышло. Каюсь, рылся в ее вещах и нашел дневник. Там всякие любовные стихи, признания и фото какого-то молодого парня. Она там писала, что я – лишь бледная тень, а он для нее все. Когда она вернулась, я налетел на нее с криками. Она призналась, что это любовь ее молодости, они встречались, хотели пожениться, но он умер от рака. Спросил у ее родителей – это правда. Но она до сих пор по нему страдает! И меня она не любит, как выяснилось. Хотя она говорит, что он – прошлое, а я настоящее и все у нас хорошо. А я не могу, ревную ее безумно к нему. Ревную к мертвецу. Не знаю, как жить дальше».

Еще раз повторим, что запечатление в младенческом возрасте *будет влиять* на мысли и поступки человека в течение всей его жизни. Это очень важное понимание, которое позволит нам приблизиться к осознанию причин и следствий личного и профессионального самоопределения, формирования мировоззрения, создания семьи и воспитания детей. Практически нет сфер жизнедеятельности, которые бы не избежали контроля запечатления у людей, испытывающих запечатленное чувство привязанности. Этот контроль не является внешним, он является жестким внутренним цензором самого человека. Ибо печать запечатленного чувства является внутренним метафорическим пропуском для каждого более или менее значимого действия субъекта. Наиболее важные поступки будут обязательно соизмеряться с запечатленным чувством привязанности. Например, многие дети идут по стопам своих родителей из-за того, что самостоятельно не смогли сформировать свое личное представление о себе в будущем, из-за того, что родители их настояли на своем выборе и не поддержали их собственное решение. Но только дети с запечатленным чувством привязанности *впитывают в себя* профессиональные особенности выбора своих родителей и становятся потомственными врачами, архитекторами, инженерами, актерами, они создают настоящие династии в промышленности, бизнесе, финансах, искусстве и т.д.

Как мы уже отмечали, запечатленное чувство привязанности может возникнуть и в молодые годы, в период выбора объекта любви. Именно запечатление обеспечивает любовь на всю оставшуюся жизнь, когда человеком движет уже не образ родителя, а образ любимой или любимого. Благодаря запечатленному чувству привязанности (любви) слагаются легенды о любви с первого взгляда, баллады о верности любящих сердец. Например, рок-опера «Юнона и Авось», про юную девушку Кончиту, влюбившуюся в русского

капитана, на всю жизнь разлученную с ним, но любящую только его: «Ты меня никогда не забудешь, я тебя никогда не увижу!» На наш взгляд, запечатление образа любимой или любимого несет в себе оттенок трагичности любви, ибо охвачен любовным чувством только *один из пары, безумен только тот, кто любит*. И если ребенок запечатлевает образ родителя, который имеет перед ним долг, родительские обязанности, и по *естественным* причинам будет рядом с ним все время, пока ребенок не вырастет, то молодой человек, впечатленный образом своей любимой, не имеет никаких естественных причин *удерживать рядом с собой* объект своей любви в случае, если его любимая не отвечает ему взаимностью и не имеет никаких обязательств перед ним.

Очевидно, что возможно и *обоюдное запечатление*, так сказать, идеальная любовь, «лебединая песня», если только нет непреодолимой силы обстоятельств, препятствующих бесконечному блаженству двух влюбленных сердец. Такие истории, как «Ромео и Джульетта», «Тристан и Изольда», будут волновать души и сердца еще не одно поколение людей. Но следует понимать, что запечатленное чувство любви, привязанности в молодые годы принесит не только много красивых и возвышенных историй о любви, но и много страданий, трагедий, крушения надежд, психических расстройств, самоубийств и убийств.

Список литературы:

Николаева Е.И., Япарова О.Г. Навстречу ребенку. Пособие для принимающих родителей, – М., 2010. – С. 12.

Ирвинг Стоун «Страсти ума или Жизнь Фрейда», М.: «Мысль», 1994. – С. 546.

Примеры взяты с сайта <http://killpls.me>



Глава 3.

ОБОСОБЛЕННОЕ ЧУВСТВО ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной главе анализируется процесс формирования обособленного чувства привязанности как основа для развития детско-родительских отношений, кроме того, раскрывается понятие «обособление» как форма развития уникальных отношений между ребенком и взрослым человеком. Также утверждается, что настоящая крепкая дружба основывается именно на обособленном чувстве привязанности.

Данная глава посвящена второму типу – **обособленному чувству привязанности**. В отличие от первого типа привязанности, – запечатленного чувства, которое относится к единственному объекту всей жизни и, как правило, всегда связано с *одним из родителей* ребенка или ближайшим родственником, – обособленное чувство привязанности имеет или может иметь *несколько объектов* привязанности. Ребенок в течение всей жизни, на разных этапах развития испытывает привязанность к разным людям, сыгравшим в его жизни значительную роль. Обособленное чувство привязанности порождается *особенными отношениями* ребенка к взрослым людям, его окружающим и, конечно, влияющим на его развитие. И поскольку жизнь ребенка многогранна и объемна, то в *каждой грани его жизни потенциально может и должно сформироваться обособленное чувство привязанности*.

Если следовать подходу, который гласит, что *ученый должен видеть в малом великое, а в великом замечать малое*, то нам хотелось бы найти в *социальном контексте* обособленного чувства привязанности *биологический смысл*. Обратимся к началу начал – нейронам головного мозга. Глиальные клетки помогают нейронам в их работе. Но также они и уничтожают нейроны – в первую очередь если по какой-то причине нейроны *не смогли включиться в нейронную сеть*. Разные нейроны мозга в разное время начинают включаться в процесс анализа внешних и внутренних стимулов. Само время активного включения определяется генетической программой. Когда нейроны получают сигнал из генома, что им нужно начинать работу, т.е. обучаться, *они должны создать определенное число связей с другими нейронами*. Если нейрон сможет создать нужное число связей, приблизительно от 2000 до 10 000 связей, то такой нейрон будет в дальнейшем включен в работу анализа внешней и внутренней информации. Если же нейрону это не удастся, то он *погибнет и будет поглощен соседней с ним глиальной клеткой*.

Для того чтобы нейрон смог создать нужное число связей, из внешней среды должно поступать *необходимое количество информации*. Больше всего клеток мозга погибает в первый год жизни. *Чем меньше общения в этот период у ребенка с окружающими его родителями, близкими, тем больше нейронов погибнут!* И в дальнейшем это отразится на интеллекте, познавательной активности, способности к развитию. Великий французский детский психолог *Пиаже* доказал, что *чем больше ребенок двигается в первые два года своей жизни, чем больше он получает сенсорной информации, тем быстрее будет развиваться его интеллект*.

Точно так же, как в микромире нейрон должен создать определенное количество связей, чтобы быть включенным в работу мозга, в макромире жизненного пространства *ребенок должен сформировать обособленные, уникальные социальные связи*.

Необходимо понимать и помнить, что обособленное чувство привязанности формирует *свои границы, свое пространство, принадлежащее объекту этого чувства*. Именно за счет своей личной или профессиональной привлекательности (*обладание определенными знаниями, способностями, возможностями и т.д.*) определенный субъект (мама, отец, сестричка, сосед, молодой человек старшей сестры, друг родителей, учитель, бабушка и т.п.) *становится объектом обособленного чувства привязанности ребенка*. Человек,

общающийся с ребенком в тот или иной период его развития, становится *интересен ему настолько*, что формируются особенные отношения *между субъектами*, которые, в свою очередь, образуют такие обособленные связи, как обособленное чувство привязанности.

Обособленное чувство привязанности как *калейдоскоп цветных стеклышек*. Ребенок поворачивает калейдоскоп, и там, внутри него, возникает яркая картинка. Он наслаждается картинкой, но неизменно одно: ребенок обязательно повернет калейдоскоп еще и еще раз. Этот визуально-кинестетический образ калейдоскопа нам помогает понять, как формируется обособленное чувство привязанности и почему *их должно быть достаточно для того, чтобы жизнь ребенка была полнокровной, насыщенной и интересной*. За каждым жизненным поворотом ребенка ожидает новое пространство, новые знания, новые увлечения, новые открытия, новые ощущения, которые неизменно связаны с определенным человеком, *гарантом и инициатором этого нового!* Например, в детском саду – любимая воспитательница, в школе – любимая учительница. В институте – любимый преподаватель, мастер, гуру, открывающий перед субъектом целый мир. И очень важным является тот факт, что *сам ребенок вкладывает свои личные усилия в процесс построения особых отношений*, а следовательно, он *научается ценить теплоту и атмосферу созданных своими усилиями отношений, ценить настоящее, связывающее его с объектом своего обособленного чувства привязанности*.

Обособленное чувство привязанности по своей сути **избирательно**. В этом его отличие от запечатленного чувства привязанности. Каждый раз ребенок *выбирает* того человека, который ему интересен. Этот выбор может привести его к формированию обособленного чувства привязанности, а может и *не привести*. Это во многом зависит от особенных отношений, возникающих между ребенком и взрослым человеком (или ребенком младшего или старшего возраста). И если запечатленное чувство привязанности *тотально* принадлежит только ребенку, то обособленное чувство привязанности *зависит в равной мере* и от самого ребенка, и от сверстника, взрослого. В случае *несовпадения* интересов между ребенком и взрослым обособленное чувство привязанности *не возникнет!* Обособленное чувство привязанности возникает только при *обоюдном желании вместе* познавать, исследовать, открывать, и, в конце концов, интересно жить! В равной степени ребенок *должен хотеть* взять, вникнуть, войти в новый мир, в новую для него

сферу знаний, в новое дело, а взрослый человек (сверстник) в *равной степени должен хотеть* этому содействовать, поддерживать интерес ребенка, обеспечивать его нормами жизни и границами пространства. Такое обоюдное желание с одной стороны *одновременно наполняет их энергией*, а с другой стороны *одновременно требует от них личных усилий*, накладывает на них одновременно определенные обязательства, *выполнение* которых является *залогом крепости и устойчивости* обособленного чувства привязанности. Таким образом, это удивительное чувство привязанности формируется и у ребенка (подростка, молодого человека), и у взрослого человека. Устойчивое обособленное чувство привязанности ребенка к взрослому и обособленное чувство привязанности взрослого к ребенку создают то особое, особенное поле взаимодействия, пространство игры, уникальный уровень контакта, в котором, как в благодатной почве, способно «произрасти зерно»! *Обособленное чувство привязанности создает благоприятную среду для интеллектуального и эмоционального развития, а также для творчества.* Этим оно ценится и остается в памяти каждого человека. Именно обособленное чувство привязанности является эффективной основой для построения крепких дружеских отношений, на паритетных началах, которые могут сохраняться в течение всей жизни.

Однако обособленное чувство привязанности не обязательно создает благодатное, благоприятное для развития пространство. Оно может быть и весьма *разрушительным, деструктивным, воинствующим.* Именно обособленное чувство привязанности может *привести ребенка в криминальную компанию, запрещенную секту, молодежную субкультуру.* И зачастую это происходит *при отсутствии* какого бы то ни было опыта формирования обособленного чувства привязанности в младшем дошкольном, младшем школьном и особенно в подростковом возрасте. *Личный опыт построения* особенных продуктивных отношений, направленных на развитие ребенка в детстве, является той *защитной оболочкой, способной удержать подростка от негативных влияний среды.* Как правило, многие родители почти инстинктивно или интуитивно стремятся максимально заполнить жизнь своего сына или дочери дополнительными занятиями: музыкой, танцами, художественным творчеством, спортом и другими увлечениями. «Лишь бы ребенок был занят», – думают родители, так как понимают, что праздно шатающийся по улицам города ребенок вряд ли найдет себе «хорошую» компанию. Уделяя много внимания тому, чтобы

у ребенка было постоянное увлечение помимо учебы в школе, родители, таким образом, предоставляют ребенку *потенциальную возможность* создать особенные отношения с такими же увлеченными «товарищами по цеху», с преподавателями. Причем возникшее обособленное чувство привязанности *должно сохраниться в личном опыте и перейти на следующий уровень* развития ребенка, подростка, молодого человека как *способность формирования обособленного чувства привязанности*.

Здесь было бы уместно привести образ компьютерной игры, например стратегической. У каждой игры-стратегии есть много уровней с множеством задач. Если игрок выполняет поставленные перед ним первым уровнем задачи, то ему открываются следующие возможности и игрок переходит на второй уровень. А достигнутые результаты первого уровня обязательно сохраняются и, что важно, переходят на другой уровень в качестве способностей, возможностей игрока. Достижения первого уровня являются основой для дальнейших действий игрока на следующих уровнях. По аналогии с компьютерной игрой, если у ребенка (подростка, молодого человека) был опыт создания благоприятных обособленных отношений с взрослым (не обязательно с взрослым) человеком, которые *способствовали формированию обособленного чувства привязанности*, то на следующем этапе развития опыт и способность сформировать обособленное чувство привязанности, которое основывается на умении устанавливать уникальные связи, поддерживать устойчивые контакты, *сохраняется*. И более того, оно является, как в стратегической игре, *основой для продолжения стратегически осмысленных действий*, направленных как на развитие самого ребенка, молодого человека, так и на формирование *следующего обособленного чувства привязанности*.

Например, ребенок полюбил химию, поскольку преподаватель химии смог открыть для него целый мир органических и неорганических веществ, погрузить ребенка в экспериментальное пространство превращений одних веществ в другие, сформировать у ребенка целостное представление о химических процессах и т.п. У подростка формируется обособленное чувство привязанности к преподавателю химии, а у преподавателя химии соответственно формируется чувство привязанности к этому подростку – его ученику. Что происходит в результате? В результате у обучающегося подростка накапливаются знания по химии, развивается умение проводить химические опыты, эксперименты и

химия становится постепенно *ведущим предметом в школе*. Преподаватель химии, благодаря возникшему обособленному чувству привязанности, начинает готовить своего «подопечного» к поступлению в вуз – естественно, химический! Так как *уровень квалификации любого учителя-предметника определяется именно тем, сколько учеников продолжили свое обучение по их предмету*: для учителя химии важно, чтобы его ученики становились химиками. А для учителя по биологии важно, чтобы его ученики любили биологию и хотели стать биологами. Ибо в этом и состоит *изначальный смысл их педагогической деятельности*: формировать обособленные чувства привязанности с определенными учениками, поддерживать их живой интерес к своему предмету преподавания и помогать ученикам в профессиональном самоопределении в сфере своего предмета.

Как мы уже отмечали, обособленное чувство привязанности может формироваться в каждом возрастном периоде. Но самыми ***первыми в построении особых отношений с ребенком должны стать родители***. Очень важно, чтобы первое обособленное чувство привязанности возникло у ребенка именно к маме или отцу, не как к хранителям его здоровья, не как к заботливым и милым взрослым людям, а как к *гарантам его развития на всех уровнях: физическом, психическом, интеллектуальном, социальном*. Формирование обособленного типа чувства привязанности может рассматриваться в терминах теории Льва Семеновича *Выготского*: помогающее поведение матери описывается как *построение и изменение зоны ближайшего развития (ЗБР)*. Именно родители должны выступить для своего ребенка проводниками в мир знаний, в мир познания, в мир познавательной активности и деятельного мышления.

Приведем пример:

«2006 год – «Ты больше не будешь ходить на танцы, у вас в классе слишком холодно».

2007-й – «Бросай свою художественную школу, папа устает после работы и не может тебя возить. И нет, сама ты ездить не будешь, маленькая ещё!»

2008-й – «Нет, я не куплю гитару, тебе всё равно надоест! Да и в музыкальной школе мест наверняка нет».

2009-й – «Всё, не буду я тебе больше эту ерунду для твоих «фенечек» покупать, слишком дорого!»

2010-й – «Да зачем тебе этот электронный конструктор, иди лучше с сестрой поиграй! И что, что тебе нравится физика, нравится – иди учебник почитай!»

2012-й – «Химические реактивы? Издаешься, где я тебе их куплю? Я, конечно, рада, что тебе нравится химия, но ты этим на уроках занимайся!»

2013-й – «Не отдам я тебе дедушкин полароид, кассеты всё равно слишком дорогие! И пленочный фотоаппарат с дачи не привезу, на нем всё равно зарядки нет».

Сегодня – «Ну почему ты ничем не занимаешься?! У Оли вон дочь поёт как красиво, у тётки Юли сын все конкурсы по рисованию выигрывает, а ты что?»

Родители должны выступать гарантами развития своего ребенка на всех этапах его личного и профессионального становления. А это выдержать родителям очень трудно. На наш взгляд, *проблемой родителей* является неумение или нежелание поддержать, одобрить обособленное чувство привязанности своего ребенка к другому взрослому человеку в подростковом возрасте.

Но давайте вернемся к нашему примеру. Как родители, к которым подросток по-прежнему испытывает *сохраненное обособленное чувство* привязанности, отнесутся к выбору химического вуза, к намерению стать химиком? Смогут ли они *почувствовать* сформировавшееся за несколько лет учебы в школе обособленное чувство привязанности своего сына (своей дочери) к преподавателю химии (биологии, физики, химии, математики, географии и т.д.)? Будут ли они считать увлечение химией полезным и ценным приобретением в жизни своего ребенка? *Поддержат ли родители выбор, основанный на обособленном чувстве привязанности*, или наложат вето на химию и будут настаивать на поступлении, например, в модный экономический вуз, а еще лучше сразу в пять вузов Москвы на экономический факультет? Сможет ли подросток перейти на следующий уровень, сохранив результаты предыдущего? Или под давлением родителей он будет вынужден начать другую «игру», в которой не разбирается, к которой не имеет никакого отношения? И что произойдет с его обособленным чувством привязанности? Вот в чем вопрос. И это трудный вопрос, трудный выбор.

На самом деле, никакого выбора *нет и быть не должно!* Родители, как гаранты непрерывного развития своего ребенка, обяза-

ны поддержать его увлечение, если оно основано на *осознанном, обособленном чувстве привязанности*. И если они *сохранили* свое обособленное чувство привязанности к своему повзрослевшему ребенку, то они *смогут почувствовать сходное чувство* у своего сына или дочери к другому человеку. И не просто к любому другому взрослому человеку, а только к тому, с кем возникло особенное, новое, осмысленное пространство жизни. Но трудность заключается в том, что многие родители *испытывают ослабление* своего обособленного чувства привязанности к сыну или дочери по достижении подросткового возраста. Связь между родителями и подростком постепенно становится все напряженнее и напряженнее: *снижается уровень взаимного доверия, появляются претензии, которых раньше не было, ужесточаются манипуляции друг другом и накапливаются непроговоренные страхи и обиды*. Если же родители смогут сохранить теплоту контакта, необходимую для обособленного чувства привязанности, поддержать выбор своего повзрослевшего ребенка, *чувствуя, насколько важно для него обособленное чувство привязанности*, например, к преподавателю химии, то в жизни подростка *наступит новый уровень*, новый этап развития с сохранением всей базы знаний, экспериментального опыта, исследовательского азарта. Родители будут заодно со своим ребенком: *особое поле отношений расширится и станет многослойным, многоуровневым* за счет нескольких сохранных и поддерживающих друг друга обособленных чувств привязанности: **родительского и педагогического**. Именно так ребенок, подросток, молодой человек (девушка) начинает **обретать интеграцию** всех уровней и слоев на всех предшествующих стадиях развития.

Хотелось бы привести пример того, как сами дети, подростки воспринимают родительское давление на себя, связанное с «неправильным обособленным чувством привязанности». На наш взгляд, неправильное, в смысле эгоистическое, фальшивое обособленное чувство привязанности родителей к своему родному чаду таит в себе печальные, а порой и вовсе трагические просчеты в воспитании и образовании ребенка.

«Родители все делали мне во благо: в 7 лет запихнули на гимнастику, где меня буквально мучили, потому что у меня не получалось сесть на шпагат, в 12 лет – на английский, хотя у меня всегда были способности к математике и физике. В 14, 15, 16 – не разрешили работать, ведь мне это не нужно, ведь дома и так есть еда, деньги развращают ребенка. Отношения с парнями? Только после

школы. Нет, после третьего курса. Нет, после диплома. После школы первая «пощечина» родителям – я поступила на физмат, а не на юридический факультет, как они того хотели. В 19 лет вторая «пощечина» – я отказалась от автошколы. В 20 – третья: – нашла работу по специальности. В 21 – четвертая: – появился парень! Ужас! Он же мне не пара, у него ж родители бюджетники, а не ЧП! Окончила вуз, работаю (вроде смирились, что не продолжаю их дело). Тут пятая «пощечина» – выхожу замуж. Как?? Так вы тогда не расстались? Ты нас обманывала? После всего, что мы для тебя сделали? Неблагодарная дочь! Так лучше было прожить не свою жизнь, но быть благодарной?»

Мы выбрали в качестве примера эту историю для того, чтобы показать несоответствие родительских установок и подростково-молодежных предпочтений, поскольку обособленное чувство привязанности *тесно связано с личным и профессиональным самоопределением подростка*. И вопрос ребром: «Прожить свою жизнь, следуя своим предпочтениям или жить всю жизнь по указке родителей» – ставится во многих семьях именно в процессе взросления ребенка.

Однако поступление на любимый, выбранный самим молодым человеком химический факультет еще не гарантирует, что он сможет построить новые, особенные отношения с кем-нибудь из группы таких же увлеченных химией студентов либо из преподавательского состава вуза и, тем самым, сможет обеспечить непрерывность своего образования, профессионального развития. Но возможности для этого уже открыты! Если молодой человек (девушка) сохраняет непрерывность своего образования, основанного на сформированном в течение нескольких лет его учебы обособленном чувстве привязанности, то ему, как правило, удастся успешно завершить свое образование и перейти к профессиональной деятельности. А *глубина его жизни* будет задаваться в том числе многоуровневыми и многослойными обособленными чувствами привязанности, которые он или она сможет ***сохранить, накопить как значимый и весьма ценный опыт.***

Представьте ситуацию, что ребенок до подросткового возраста не смог построить особых отношений ни с кем и у него не сформировалось ни одно обособленное чувство привязанности (вспомним, какая судьба ожидает нейрон, если он не создаст необходимое число связей!). Разве это невозможно? Очень даже возможно. У такого подростка нет особых благоприятных отношений в семье,

нет устойчивых увлечений, нет интересов, нет в окружении его родителей взрослых людей, способных создать благоприятную среду для развития и творчества, *нет обособленного чувства привязанности педагогической направленности*. И поскольку обособленное чувство привязанности возможно только при *обоюдном равносильном интересе друг к другу*, то вакуум, который образовался вокруг подростка, будет только *нарастать*. Сначала подросток будет *скрывать* нарастание вакуума под *маской равнодушия*. Затем он будет заявлять, что ему *никто не нужен*, тем самым *отказываясь* от собственных усилий, направленных на формирование новых отношений, которые могли бы привести к возникновению обособленного чувства привязанности. И если его *не поддерживает запечатленное чувство* привязанности к маме или отцу, то *семейный вакуум* значительно усилит его одиночество и обреченность (гибель нейронов неизбежна!). Таким образом, семейный, образовательный и социальный вакуум могут лишить подростка не только уверенности в себе (ему не в чем и не в ком быть уверенным), но и натолкнуть его на *негативное переосмысление* всей жизни. Отсутствие обособленного чувства привязанности, как отсутствие *жизненного стержня*, приведет к полному инфантилизму или негативизму, к крайним проявлениям недоброжелательности или равнодушия к окружающим его людям, к потерянной идентичности.

Мы считаем, что **необходимо расширить представление о безопасности** ребенка, которое воспринимается родителями, воспитателями и педагогами как *«чтобы с маленьким ничего не случилось»* в младенческом и младшем дошкольном возрасте и *«чтобы ребенок знал, что делать, если вдруг случится беда»* в младшем школьном возрасте. Безусловно, ребенок должен знать основы безопасной жизнедеятельности, которые ему преподают в школе. И, конечно, за ребенком необходимо пристально следить и ухаживать в младенческом возрасте. Мы же стремимся повысить компетентность самих родителей в выполнении функции безопасности жизни ребенка, показывая, насколько важно помочь сформировать обособленное чувство привязанности ребенка к определенным людям. Ибо *жизненный стержень*, как *«позвоночник»*, состоит из отдельных уровней, слоев, заложенных в обособленных чувствах привязанности на каждом возрастном этапе развития.

Очень важно, чтобы мать, как потенциально самый первый и самый показательный объект будущего обособленного чувства при-

вязанности, на первом году жизни своего ребенка могла грамотно и конструктивно выстроить свою линию поведения. Не лишним будет вспомнить Балтиморское исследование знаменитой коллеги Джона Боулби – Мэри Эйнсворт, которая создала собственную типологию чувства привязанности. В течение целого года Мэри Эйнсворт проводила лонгитюдное исследование 26 пар мать-младенец, в ходе которого фиксировалось поведение матерей в 4-х ситуациях.

Кормление.

Непосредственный зрительный контакт.

Реакция матери на крик ребенка.

Телесный контакт.

Наблюдения показали, что уже в первые 3 месяца жизни младенца существуют значительные индивидуальные различия в поведении матерей и в их отношении к ребенку. Одни матери использовали ситуацию кормления для общения с ребенком, проявляли чуткость и гибкость в обращении с ним, другие просто давали бутылочку и уходили, третьи заставляли есть через силу. В других ситуациях различия в поведении матерей были не менее значительными. Так, процент случаев игнорирования крика ребенка колеблется от 4 до 94%. Реакция матери на крик малыша является особенно важной для выделения и осознания себя. Если мать не реагирует на его крик, младенец не видит последствий своей активности, не выделяет себя и не чувствует отношения к себе. Кроме того, нам представляется очень важным процесс принятия на себя роли матери, ощущение себя чувственной моделью восприятия в таких обычных ситуациях, как кормление, поглаживание и т.п.

Мэри Эйнсворт подчеркивала, что чуткость и поддержка матери выражается не только в любви к ребенку и в заботе о нем, *но и в уважении его самостоятельности и спонтанности*. Потребность в индивидуальной, самостоятельной активности изначально является одной из главных потребностей ребенка, и ее удовлетворение напрямую зависит от чуткости и гибкости матери, как объекта обособленного чувства привязанности. *Качество обособленного чувства привязанности, сформировавшегося на первом году жизни малыша, обеспечивает дальнейшее понимание и гибкую настройку отношений не только в плане определения зон ближайшего развития, но и всего механизма взаимодействия ребенка с миром!*

Авдеевой Н.Н. было проведено исследование, где была поставлена цель установления связи между привязанностью ребенка к матери и его образом себя. Задачей исследования было изучение образа себя ребенка, типа его привязанности к матери, образа себя матери и ее представления о ребенке. Кроме того, в рамках данного исследования проводилась оценка матерью своей привязанности к ребенку и его привязанности к ней. В качестве объекта исследования выступала пара мать-ребенок. В результате проведенного исследования Авдеева Н.Н. пришла к выводу, что «между развитием образа себя у ребенка и его привязанностью к матери существует определенная связь, выражающаяся в том, что высокому уровню развития образа себя соответствует большая самостоятельность ребенка, меньшая его зависимость от матери, более выраженная активность в незнакомой или стрессовой ситуации» [1, 3-10].

Мы считаем, что именно *обособленное чувство привязанности матери к ребенку* сможет обеспечить высокий уровень развития образа себя у ребенка, стать гарантом развития самостоятельности и любознательности ребенка, а также *его уверенности в своих действиях* даже в незнакомой ему ситуации, что является *основой безопасности жизнедеятельности ребенка как внутри его семьи, так и в открытом социуме*.

Следует отметить, что одним из самых *актуальных чувств* в создании *семьи* является именно *обособленное чувство привязанности*. Зрелая личность, имеющая богатый опыт в построении особых отношений, на основе которых формировалось обособленное чувство привязанности, имеет бесценный опыт для создания крепкой, надежной семьи, основанной на взаимной поддержке, уважении интересов друг друга, любви, дружбе и сотрудничестве. Именно такие родители смогут обеспечить ребенку всестороннее развитие его способностей, поддержат его инициативу в профессиональном и личном самоопределении, будут любить и уважать его жену, мужа, детей.

Кроме того, обособленное чувство привязанности играет огромную роль в *сохранении традиций семьи, преемственности поколений* целого рода благодаря тому, что в *особом пространстве контакта* ребенка как с родителями, так и с прародителями *передаются истории рода, самые ценностные воспоминания*. Очень важно, чтобы прародители, т.е. бабушки и дедушки, смогли передать свои знания о своих семьях, о своих родителях, прародителях через обосо-

бленное чувство привязанности к ребенку своего сына, дочери, т.е. внукам, поскольку просто так, в *обыденном общении* и заботе, передаются только такие же *обычные вещи, манеры и установки*. Что же касается *сокровенных знаний, ценностных смыслов*, то передача их из поколения к поколению требует особого контакта, особого чувства, особой атмосферы, которая задается и обеспечивается именно обособленным чувством привязанности, без формирования которого не может быть и речи о придании семейным историям *глубины восприятия и значимости ее для всех последующих поколений*.

Список литературы, используемой в 3-й главе:

1. Авдеева Н.Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве. – Вопросы психологии, 1997. – №4. – С. 3-10.



Глава 4.

АМБИВАЛЕНТНО-ЦИКЛИЧНОЕ ЧУВСТВО ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной главе рассматриваются многогранные сложности формирования амбивалентно-циклического чувства привязанности, которое открывает путь к развитию манипуляторских способностей как ребенка, так и родителей. Обращается внимание на взаимозависимый характер детско-родительских отношений, анализируются причины родительских неудач в процессе воспитания ребенка. Раскрывается понятие «амбивалентности».

Третий тип привязанности мы назвали **амбивалентно-циклическим чувством привязанности**. Еще данное чувство можно назвать лунным чувством привязанности, но не из-за того, что дети ходят как лунатики по ночам, а из-за того, что амбивалентно-циклическое чувство привязанности сродни приливам и отливам. Данное чувство привязанности напоминает еще катание на детской карусели – *вперед-назад и опять вперед-назад*. С маленьких лет ребенок привыкает менять вектор своих чувств. Достаточно часто можно наблюдать следующую картину: мама идет быстро, торопится и за руку тащит за собой малыша. Малыш упирается, ноет, стонет, верещит. Его нытье заканчивается словами: «Я тебя не люблю!» И, наоборот, фразу «Я тебя люблю» малыш произносит в ситуации, когда ему купили то, что он сильно желал. Подобные приливы и

отливы любви к матери (отцу), объекту чувства привязанности, составляют *определенный цикл амбивалентных отношений* и называются *амбивалентно-циклическим чувством привязанности*.

Третий тип привязанности отличается от первых двух типов – запечатленного и обособленного – тем, что он *зависит от сиюминутной вспышки, связанной с удовлетворением желаний как ребенка, так и объекта привязанности – матери (отца, сестры и т.п.)*. Если все желания ребенка удовлетворяются, то ребенок послушен и восприимчив, любит и склонен проявлять нежность к объекту своей амбивалентно-циклической привязанности. Если ребенок не получает то, что он хочет сейчас, то он непослушен, невосприимчив, готов сопротивляться, уклоняться, ругаться, драться, обижаться, рыдать, возмущаться и заявлять, какие все вокруг него плохие и как он не любит маму или папу! При этом детско-родительские отношения носят *принципиально неустойчивый характер*. Устойчив лишь сам цикл «люблю – не люблю», само движение от наивысшей формы проявления чувства привязанности до отрицания ребенком существования оно. И в каждый момент жизни ребенка можно точно *определить место нахождения его циклического чувства привязанности*. Если первый тип привязанности – запечатленное чувство привязанности – обладает абсолютностью, тотальностью, второй тип – обособленное чувство привязанности – обладает полевой или сферной структурой, то третий тип – циклическое чувство привязанности является *определенным местом на одной и той же шкале цикла, точкой на прямой линии*. Однако эта точка находится в *постоянном движении*, она *притягивается* то одним полюсом, то другим под воздействием внешних обстоятельств, сиюминутного желания, выгоды.

Ребенок, у которого сформировалось циклическое чувство привязанности, стремится получать *«подтверждения»* правильности не только своего нахождения на шкале циклического чувства привязанности в зависимости от того, как удовлетворяются его желания, интересы, но и *чутко реагировать на все препятствия*, возникающие на пути его перемещения от одного полюса к другому. В качестве яркого примера сформированного у ребенка амбивалентно-циклического чувства привязанности можно привести описание Грошевой:

«Ваня очень любит поговорить на темы любви: кто кого любит, почему и как. То и дело проводит проверки и провокации по этому же поводу: то клянется в нежных чувствах навек, то пообещает убить

маму и заодно всех присутствующих и смотрит, как мы реагируем, следом начинает клясть себя за то, что он такой плохой. Хуже некуда, если такой разговор начинается на ночь глядя: Ванька от него приходит в страшное возбуждение и никак не может заснуть и успокоиться. То поцелуи и объятия, то слезы и всяческие козни...» [1, 34].

Амбивалентно-циклическое чувство привязанности **самое зависимое, самое манипулятивное чувство**, которое может возникнуть между ребенком и родителями. Циклическое чувство привязанности можно также назвать *амбивалентно-манипулятивным* чувством. Термин *амбивалентности* был введен еще в 1912 году Зигмундом Фрейдом при изучении *неврозов*: «В каждом неврозе мы наталкиваемся на одни и те же вытесненные инстинкты, лежащие за симптомами... ненависть сохраняется вытесненной в бессознательное посредством любви...» Ребенок с раннего детства может испытывать ненависть и злость к тому самому человеку, к которому он питает наибольшую любовь. Например, к своей мамочке, к которой испытывает искреннее амбивалентно-циклическое чувство привязанности, порождающее всю гамму эмоциональных переживаний от одного полюса со знаком «+» к другому полюсу со знаком «-».

Причин, по которым возникает такое чувство, много. В первую очередь оно связано с *некомпетентностью родителей*, между которыми нет взаимного понимания и согласия. Во вторую очередь оно связано с *эмоциональной неустойчивостью самой матери*, которая постоянно меняет свои требования к ребенку, которая хвалит сегодня за то, за что вчера ругала, а позавчера вообще игнорировала. Отсутствие у родителей принципиальных, устойчивых и последовательных позиций в воспитательном процессе предоставляет возможность ребенку самому выдвигать требования, приучаясь с самого раннего возраста к манипулированию родителями, прародителями, взрослыми людьми. *Удовлетворение* его требований и желаний для ребенка становится настоящей *жизненно важной задачей*, измерительным *инструментом в отношениях с родителями и близкими родственниками, шкалой настроения*. Чем старше становится ребенок, тем обширнее он выдвигает требования, тем изощреннее становятся его методы достижения, тем интенсивнее жажда достижения своих желаний путем капризов и истерик. Практически на удовлетворение одного своего желания ребенок может задействовать весь арсенал методов, продемонстрировать своим родителям всю *гамму амбивалентно-циклического чувства привязанности!*

Казалось бы, чем сложнее желания ребенка, тем должна быть шире гамма чувств. Однако это не всегда так. Зачастую ребенок останавливается на той гамме, которая *быстрее и эффективнее* приносит чувство удовлетворения. Таким образом, возникает **симбиоз чувства привязанности и чувства удовлетворения с младенчества**. В младшем дошкольном возрасте симбиоз развивается и закрепляется.

На наш взгляд, амбивалентно-циклическое чувство привязанности формируется еще в младенчестве, в *самом чувствительном и телесном периоде мироощущения*. Именно в этом возрасте многие мамы то чувствуют, как нужно заботиться о малыше, то нет. В младенчестве происходит *подстройка всех чувств восприятия* мамы к ребенку. Мама опытным путем приобретает бесценные знания о том, как ее малыш любит лежать, как ему нравится поворачиваться, как ему лучше поднять ручку, чтобы надеть кофточку, и т.д. Этот первый год жизни является *решающим* для формирования определенного типа чувства привязанности. Иногда мама может подстроиться к малышу, ей хватает и внимательности, и терпения, и сил, и настроения, чтобы малышу было хорошо и комфортно. Но если малышу приходится каждый раз прибегать к выражению *своего недовольства действиями матери*, то устойчиво закрепляется *задача добиться всеми доступными малышу средствами удовлетворения своих желаний*.

Порой мама совсем не понимает, что она сделала не так, почему малыш плачет, и проявляет недовольство, но разобраться в ситуации у нее каждый раз не хватает то времени, то сил, то ее отвлекают другие домашние дела, то мама занята разговорами и не считает нужным в принципе подстраиваться к своему ребенку. А малыш настойчиво требует к себе внимания. На втором году жизни ребенка, когда активно развивается его речь, он уже может выражать не только *звуками*, но и *словами* свое *недовольство* мамиными действиями. Малыш ищет слова, отражающие его гнев и обиду, когда его желания не удовлетворяются. Таким же образом малыш подыскивает слова, чтобы выразить свое удовлетворение, радость, восторг от того, что мама идет ему навстречу, предугадывает его желания, подстраивается под его настроение. Словесные высказывания, противоположные или противоречивые по смыслу, ситуативные и сиюминутные всплески и вспышки настроения со стороны ребенка и матери укрепляют цикличность детско-родительских отношений от невероятной нежности и «детской приста-

вучести» (любви и обожания) до ненависти и гневности (нелюбви и непροщения). В результате формируется амбивалентно-циклическое чувство привязанности. Жизнь протекает то приливами, то отливами. Причем прилив чувств нежности со стороны ребенка может *не совпадать* с приливом нежных чувств со стороны матери. Циклические отношения то входят в *резонанс*, то светятся *гармонией и идиллией*. К сожалению, именно амбивалентно-циклическое чувство привязанности становится наиболее *стереотипным*. И мама, и сам ребенок быстро привыкают как к совпадениям, так и к несовпадениям своих приливов и отливов чувств, поэтому со временем складывается *динамический стереотип цикла*. По достижении ребенком школьного возраста и мама, и ребенок могут *настолько сильно устать друг от друга* при частом несовпадении циклов, что чувство привязанности постепенно угасает или напоминает яркие, но очень краткие вспышки любви и нелюбви: то любовь до гробовой доски, то непримиримая война.

Джон Боулби, размышляя над амбивалентностью чувств ребенка (способностью переживать злость и ненависть к человеку, которого он больше всего любит), писал: «...шаги, каким младенец или ребенок совершает свой прогресс в отношении регуляции амбивалентности, критически важны для развития его личности. При благоприятном ходе развития он будет расти, не только осознавая существование противоположных импульсов, но будучи в состоянии направлять и контролировать их, а порождаемые ими тревога и вина будут терпимыми. При менее благоприятном процессе развития ребенка будут одолевать импульсы, над которыми, как он чувствует, у него неадекватный контроль или даже нет никакого контроля; и в результате он будет испытывать острую тревогу о безопасности тех лиц, которых он любит, но также и страх того возмездия, которое, он считает, падет на его голову. При таком ходе развития ребенка подстерегает опасность – опасность, исходящая от личности, прибегающей к разнообразным защитным маневрам, каждый из которых *создает больше трудностей, чем разрешает их*. Например, страх наказания, ожидаемого в результате враждебных действий – а также, конечно, вследствие враждебных намерений, так как для ребенка всегда трудно отличить одно от другого, – часто приводит к еще большей агрессии. Такие порочные круги возникают, когда способность ребенка регулировать любовь и ненависть развивается неблагоприятно» [2, 13] (*курсив наш* – Е. Г.).

Безусловно, чем сильнее симбиоз чувства привязанности и чувства удовольствия ребенка в младенчестве и раннем детстве, тем быстрее вырабатывается динамический стереотип амбивалентно-циклической привязанности. Отношения между ребенком и матерью чаще всего *развиваются в жестких рамках выработанного ими стереотипа* и мало подвергаются изменениям. Возможно, это каким-то образом «спасает» их отношения от разрушения и позволяет сформировать *адекватные стратегии контроля над противоположными импульсами*. Возможно, циклическое чувство привязанности как амбивалентное чувство, делает и маму и ребенка более терпимыми к проявлениям сильных эмоций по отношению друг к другу и позволяют им наладить взаимное понимание и взаимную поддержку, что в целом позитивно сказывается на развитии чувства безопасности в семье. Однако это может происходить только при благоприятном сценарии развития детско-родительских отношений. При неблагоприятном сценарии симбиоз чувства привязанности и чувства удовольствия может развиваться и по садо-мазохистскому пути, когда ребенок будет намеренно делать больно своей матери, которую он будет считать обязанной удовлетворять его сиюминутные прихоти. Например, в дошкольном возрасте размазывать кашу пальчиком по столу и смотреть, как мамочка злится и хватается за тряпку, чтобы вытереть кашу со стола. Действия ребенка могут повторяться раз за разом, пока ребенок не будет полностью удовлетворен «любованием покорности матери» в наведении порядка на кухонном столе. Аналогичные манипулятивные действия может совершать и мать, раз за разом делая больно своему ребенку, то издеваясь над его неловкостью и неумелостью, то восхваляя его способности, возводя их в ранг гениальности.

Структура амбивалентно-циклического типа привязанности может порождать весьма изощренные желания как угодить друг другу, так и сделать плохо или больно. Не важно, какой тип возмездия за неудовлетворение сиюминутных желаний ребенок может избрать в тот или иной момент, важно, что наказание будет неизбежным и будет соответствовать именно тому полюсу, на котором находится в данный момент ребенок или мать. Если мамочка шлепнет ребенка за провинность, ребенок может либо броситься поцеловать ручку, либо наброситься с кулаками, больно ущипнуть за грудь. Ребенок может приучиться контролировать свои противоположные импульсы от обожания до физической агрессии, но каждый раз его

действия могут носить то *резонансный, агрессивный, то идиллический, сладострастный характер*. Резонансный в ситуации, когда на физическую агрессию матери ребенок может отвечать нежными объятиями, а на проявление нежности – физической агрессией. Идиллический характер отношения приобретают в ситуации совпадения эмоциональных полюсов ребенка и матери.

Однако возникает вопрос о границе между нормальными, типичными для амбивалентно-циклического чувства привязанности проявлениями и нарушенными, травмирующими, приводящими к невротизации и другим психическим расстройствам в психическом и эмоциональном развитии. Фрейд считал, например, что отличие психически здоровых людей от их менее счастливых собратьев заключается в том, что психоневротики проявляют «преувеличенным образом чувства любви и ненависти к своим родителям, которые менее очевидно и менее интенсивно встречаются в умах большинства детей». В развитии идей Фрейда Джон Боулби делает вывод, что «один из ключей к уходу за ребенком состоит в том, чтобы обращаться с ребенком таким образом, чтобы ни один из двух импульсов, которые подвергают опасности любимого человека, – либидинальная жадность и ненависть, – не становился слишком интенсивным. Если младенец или маленький ребенок обладает любовью и взаимностью своей матери, а также своего отца, он будет расти без чрезмерного давления страстного либидинального желания и без чрезмерно сильной склонности к ненависти. Если же ребенок лишен всего этого, то он будет постоянно искать любви и привязанности и будет постоянно склонен ненавидеть тех людей, которые, как он считает, не смогли проявить по отношению к нему любовь и привязанность» [2, 16] (*курсив наш* – Е.Г.).

Но самым опасным для отношений в семье будет *стремление избегать проявления амбивалентных чувств*. Мы считаем, что неблагоприятные условия в семье порождает не только *холодность самих родителей при формировании тайного запечатленного чувства привязанности* ребенка к матери, но и *подавление негативных эмоций при формировании амбивалентно-циклического чувства привязанности*. Даже несмотря на то, что данное чувство привязанности является самым зависимым и манипулятивным чувством, тем не менее *родители должны стараться проявлять сдержанность и смелость в выслушивании негативных высказываний ребенка в свой адрес*. Как мы уже отмечали, для амбивалентно-циклического чувства привязанности характерны такие выражения, как «Я тебя лю-

блю, моя мамочка, никому тебя не отдам!» наряду с такими гневными тирадами, как «Я тебя не люблю, ты противная, ты нехорошая, я уйду от тебя!».

С одной стороны, *толерантность* (терпимость) родителя, объекта чувства привязанности ребенка, позволяет установить достаточно *свободные и открытые отношения*, для которых ценностью как раз и является *открытое выражение чувств* как со стороны субъекта, так и со стороны объекта амбивалентно-циклического чувства привязанности. Такой подход создает благоприятные условия для *развития доверия и уважения в семье*.

С другой стороны, толерантность родителя, в адрес которого произносятся нелестные отзывы, позволяет выстроить *стратегические значимые отношения*, поскольку это делает значимым не сиюминутные вспышки, волны, приливы гнева, раздражения и ненависти, а задает совершенно другое качество отношений, глобально строящихся именно на основе другого полюса – любви, заботы, преданности и верности. Вот та общечеловеческая ценность, которая должна *обязательно воспитываться* как в ребенке, так и постоянно подтверждаться в поведении родителей. *Толерантность к амбивалентности* является прямым подтверждением того факта, что *сами родители осознают и несут ответственность* за стремление жить в любви и верности в семье и что они *готовы пожертвовать* своим честолюбием, своими личными *амбициями в уплату* будущим отношениям доверия и уважения друг к другу.

Порой родителям довольно трудно отказаться от собственных амбициозных представлений о своих воспитательных способностях и проявлять ответственность. Ведь, в конечном счете, «яблоко от яблони недалеко падает». И ответственность за сформированное амбивалентно-циклическое чувство привязанности в большей степени лежит на *объекте этого чувства*, то есть на матери или на отце, которые, в свою очередь, являются «*живыми людьми*», а не *запрограммированными роботами*. Родители тоже чувствуют, переживают, эмоционально реагируют на определенные неурядицы, подвержены эмоциональным кризисам, взлетам и падениям, плохому и хорошему настроению и т.д. На состояние родителей, безусловно, влияет весь спектр чувств, которые они испытывали, когда сами были детьми, и тот опыт, который они получили в «*борьбе*» со своими чувствами и эмоциями. Поэтому от осознанности поведения родителей во многом зависит, сможет ли их ребе-

нок научиться контролировать свои противоположные импульсы, сможет ли их дитя научиться не поддаваться вспышкам агрессии, волнам раздражения, недовольства и враждебности по отношению к людям, которых он искренне любит, обожает всей душой. Следует понимать, что все эти импульсы – всего-навсего мимолетные и сиюминутные искры, вспышки. И не стоит их раздувать до уровня всепоглощающего пламени, всепожирающего пожара. «Не делайте из мухи слона» – вот что гласит народная мудрость, как нельзя кстати подходящая для амбивалентно-циклического чувства привязанности. Грубыми воспитательными ошибками родителей являются, во-первых, скрывание своих истинных чувств от ребенка (фальшивые улыбки, двойная игра, неискренность), во-вторых, отказ контролировать собственные наиболее интенсивные выражения амбивалентных импульсов (закатывание истерик, вечное проявление то недовольства, то обожания, непоследовательность в действиях, несоответствие требований и наказаний и т.д.). Родители обязаны быть сдержанными, умеренными и толерантными для того, чтобы гарантировать своему ребенку в будущем возможность выстраивать отношения с другими людьми на основе милосердия, доброты и мудрости. И если родители обязаны дать своему чаду «путевку в жизнь», то уж непременно с этими общечеловеческими ценностными установками!

Список литературы, используемой в 4-й главе:

1. Е.А.Грошева. Будем родными! Из дневника родителя-воспитателя приемной семьи. М.: Дом, 1993. НИИ детства Российского детского фонда.
2. Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 13.



Глава 5.

ПОТЕРЯННОЕ ЧУВСТВО ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной главе рассматриваются условия, при которых чувство привязанности между родителями и детьми истончается настолько, что люди перестают понимать смысл в том, чтобы испытывать чувство привязанности к своему ребенку или к своему родителю. Охарактеризованы трудности, которые испытывают беременные женщины в сохранении чувства привязанности к новорожденному ребенку. Что есть потеря? Что есть надежда на восстановление привязанности внутри семьи, внутри рода?

Четвертый тип привязанности мы назвали **потерянным чувством привязанности**. В течение жизни многие люди что-то теряют: драгоценные вещи, близких друзей, любимых, деньги и пр. Теряют из-за роковой случайности, глупого стечения обстоятельств, собственной неосмотрительности, азарта, честолюбия и т.п. Во многих случаях *потеря* у людей вызывает *чувство сожаления, горечь утраты, недоумения*. У некоторых за утратой следует депрессия, нервное расстройство, возникает желание замкнуться в себе... Или решить, что ничего этого не было, что пусть жизнь идет как идет. Или человек может испытывать жгучее стремление что-то изменить, куда-нибудь уехать. Конечно, все зависит от степени важности утраты, глубины затронутых чувств.

Однако многие люди совершенно *не замечают, как они утрачивают свое чувство привязанности к родителям*. Как будто так и должно происходить, как будто это чувство само по себе растворилось в жизненных буднях, исчезло без следа, без душевных мук и страданий. Поэтому четвертый тип привязанности можно назвать еще «*выключенным*» или «*приглушенным*» чувством привязанности. Люди, потерявшие чувство привязанности к своим родителям, могут не испытывать угрызений совести, не впадать в депрессию, меланхолию, не стремиться что-либо изменить в своей жизни по одной простой причине – они даже не могут вспомнить тот момент, когда это чувство их покинуло, когда они его лишились.

В 60-е годы прошлого века очень популярными были смешные, курьезные, трагикомичные рассказы в картинках известного датского художника Херлуфа Бидструпа. Ему удавалось рисовать такие жизненные комиксы, которые вызывали смех, самоиронию у людей разных национальностей. Зарисовки бытовых сценок трагивали жизненные ситуации, в которых проявлялся сам человек во всем многообразии своих отношений с другими людьми. Мы хотели бы в качестве примера потерянного чувства привязанности привести две картинку Бидструпа. На первой картинке Херлуф нарисовал молодую, сияющую мамочку, которая держит на руках своих детишек. Доченька и мальчик нежно и трогательно прильнули к своей мамочке. У первой картинке были такие надписи: «*Это моя мамочка!*» – говорила девочка. «*Нет, это моя мамочка!*» – спорил мальчик. Вторая картинка была про них же, только по истечении 25 лет. На картинке была нарисована старушка. А рядом, спиной к ней, стояли ее выросшие дети – красотка на шпильках и молодой человек в модном джинсовом костюме с длинными волосами. У второй картинке были такие надписи: «*Это твоя мама!*» – утверждала девица. «*Нет, это твоя мама!*» – парировал молодой человек.

Возможно, что не только *дети* теряют свое чувство привязанности к родителям, но и сами *родители* испытывают потерянное чувство привязанности к своему ребенку. Причины потери чувства привязанности могут затаиться в самой истории материнства конкретной женщины: в *неспособности привязаться к своему ребенку*, которую мать может переживать на разных этапах своего материнства. Во-первых, при зачатии. Насколько желанный ребенок? Насколько женщина готова к появлению в своей жизни младенца? Может ли она принять факт рождения? Какие мысли ее

одолевают: «Рожать или нет? Как отнесется к беременности физический отец ребенка? Готов ли он изменить свою жизнь? Рад ли он будущему ребенку? Состоят ли они в браке или просто встречаются? Планировали ли молодые люди беременность?»

Еще ребенка нет на белом свете, еще его нужно выносить 9 месяцев и родить, а уже закладываются основы основ чувства привязанности матери к ребенку и решается вопрос, быть ему или нет в принципе.

«Мне 36, мужу 48 лет. У нас двое детей, свой коттедж, хорошая налаженная жизнь. И тут случилась осечка – я беременю. Пользовались презервативами, но что-то случилось не так. Мы с мужем готовы родить и воспитать еще малыша, денег и сил хватит. А вот наши дети категорически потребовали аборт. Им 14 и 17 лет, старший уже подрабатывает. Мы планировали купить им обоим по комнате, чтобы какое-то жилье было. С рождением третьего ребенка, естественно, ни о каком жилье речи быть не может. И еще они сразу заявили, что принимать участия в уходе за ребенком не будут. У них своя жизнь и свои планы. Потом и муж как-то начал сомневаться, говорить, что староват он для этого. Срок уже 10 недель. Нужно быстро все решать, но поддержки от своих я не вижу. Для нас и няню нанять не проблема, но зачем рожать ребенка, которому в семье никто не рад?»

Мыслительный процесс женщины, узнавшей о том, что она беременна, очень важен. Если женщина делает аборт, то калечится не только ее тело, но и душа. Травмируется психика даже при кажущейся легкости принятого решения, и в дальнейшем ей не избежать гнетущего чувства. Но если женщина решает продолжить свой род, с чем она сталкивается в этом случае и какие ситуации могут повлиять на формирование ее чувства привязанности как в лучшую, так и в худшую сторону?

«Мне 33, замужем, жду ребенка, 5-й месяц. С мужем всегда жили душа в душу. Он очень хотел ребенка, к тридцати и у меня желание появилось. Три года попыток – и вот беременность. Все счастливы. Вчера он и его мама встретили меня на кухне с чаем и за милой беседой с жаром объяснили, что у мужа нет никакого желания возиться с пеленками, вставать ночью, слушать детский плач. Поэтому он «на годик, ну два максимум!» уедет в длительную командировку. За океан. О чем он уже договорился с начальством. Потом, говорит, вернуться, и у меня будет уже взрослый пацан. Свекровь ему поддакивает,

хотя до этого вроде была адекватным человеком. Наш ребенок (им долгожданный!) еще не родился, а он уже брезгает и боится потенциальных трудностей. Пишу, и у меня просто голова взрывается от всего этого. Не знаю, что делать».

9 месяцев – это достаточный период времени, чтобы полюбить своего ребенка, делиться с ним своими надеждами, страхами, радостями и болью. Женщина представляет себя счастливой: у нее на руках радостный малыш, который ей улыбается в ответ. Женщина держит его за ручку: она такая крохотная! Женщина гладит своего ребеночка по голове, целует его в макушку, и волна любви наполняет ее сердце стремлением защищать его, растить и развивать.

Но за этот период (9 месяцев) беременная женщина может и пожалеть о содеянном, разувериться в смысле рождения своего ребенка, утраститься своей будущей жизни, предстоящих родов и всей «мороки», связанной с уходом за ребенком. Порой женщина начинает видеть себя в будущем располневшей (страх телесного изменения), связанной по рукам и ногам тем, что надо сидеть дома безвылазно, быть постоянно с ребенком, слушать его крики по ночам, не высыпаться, да еще кормить грудью, которая от молока станет огромной и, может быть, некрасивой, а со временем и вовсе потеряет привлекательность. А вдруг ребенок будет капризным и некрасивым, а она из-за него лишится возможности сделать карьеру на своей работе, лишится своей женственной привлекательности, поскольку постоянные пеленки, одежонки, гуляния с неподъемной коляской, а еще постоянные поездки по больницам, если ребенок родится хиленьким и болезненным...

Пример: «Встречались 5 лет. Единственным условием нашей жизни было отсутствие детей. Она об этом знала, мы оба были согласны. И тут – оп-па. Таблетку она забыла выпить. Аборт категорически не хочет, боится, не знала, что будет так. Ну что ж, захотелось ей куклу – будет ей кукла, благо за финансовую сторону вопроса я спокоен. Проходит несколько месяцев. Ходит с семи-месячным пузом, в растяжках, и канючит, канючит, канючит: «Я страшная, я передумала, я не хочу ребенка, рожать не хочу, сделай что-нибудь, я хочу аборт!» Сказать, что у меня нет слов – ничего не сказать. Пытаюсь как-то успокоить, она и внешне-то ничего, и беременность легкая, и рожать будет в нормальных условиях – ноль на массу. Вчера вообще выдала, что хочет оставить ребенка на

меня. Мне он как бы тоже не сильно нужен. Вот сижу и думаю – то ли выдать ей денег на частную клинику, и пусть делает, что хочет. То ли лишит финансов вообще, чтоб над ребенком тряслась и отвечала за свои поступки».

Как мы уже отмечали, внутреннее настроение беременной женщины, ход ее мыслей будут во многом определять формирование ее чувства привязанности к будущему рожденного ребенка, а то отношение, которое сложится у женщины в перинатальный период, будет во многом определять то, как мать будет относиться к младенцу, реагировать на него. И, конечно, сколько страхов переживает женщина в ожидании родов. Одни женщины готовятся к родам, делают специальную гимнастику, занимаются дыхательными практиками для того, чтобы помочь себе совершить чудо – родить ребенка. Женщины всеми фибрами своей души погружены в самовосприятие: как там чувствует себя ребенок, как он дернулся, как он толкнул ножкой животик, как он там ворочается. Женщины в период беременности находятся в невероятном сенситивном состоянии: любое новое ощущение может стать настолько интенсивным, настолько эмоциональным, что может привести к зарождению тревоги, страха, неуверенности, излишней мнительности, уязвимости, раздражительности. От характера беременной женщины во многом зависит и уровень подготовки к предстоящим родам, и то, какого отношения она ожидает к себе от окружающих ее близких и родных, и то, с каким настроением она будет вынашивать ребенка. Безусловно, все эти факторы перинатального периода могут повлиять как позитивно, так и негативно на формирование чувства привязанности матери к ребенку.

Большое значение имеет непосредственно процесс родов: в какой обстановке находится женщина, кто находится рядом с ней в данный пиковый момент родовых схваток, доверяет ли женщина своему врачу или относится к нему настороженно, сможет ли врач создать доброжелательную психологическую атмосферу во время родов? Как же женщины воспринимают эти манипуляции со своей стороны? Приведем один пример.

«Сидеть в мрачном закоулке, едва освещаемом тусклой лампочкой, было тоскливо. Чтоб не дёргаться зря, я принялась читать плакаты, густо облепившие стену неопределённого цвета: «Аборт грозит бесплодием!», «Счастье материнства», «Дети – цветы нашей жизни» и так далее. Жду уже двадцать минут. С ума сойти, так и родишь здесь,

на грязной кушетке... Наконец дверь приоткрылась, и высунувшееся из комнаты красное лицо с густо накрашенными губами что-то невнятно промычало. Я поняла, что мне можно наконец войти. Толстая тётя, громко прихлёбывая чай из гранёного стакана, записала мои анкетные данные и громко скомандовала: «Раздевайся!»

Вода в душе была еле тёплая, но я мужественно вымылась, выключила воду и прислушалась. В комнате уже никого не было, а за дверью почему-то раздавался жутковатый истерический хохот: «Ха-ха-ха, хи-хи-хи...» В душевой неуютно, холодно и мокро, но выходить не хотелось – в любой момент в комнату мог войти кто угодно. Наконец мне принесли полотенце размером с салфетку и рубашку на ребёнка лет двенадцати.

Пришёл совсем молодой юноша в белом халате, которого, видно, ничуть не смутил мой экстравагантный вид, и ехидно спросил: «Ну, когда рожать собираемся?» (Это был самый остроумный вопрос из всех им заданных.) Он и отдал меня на растерзание крайне молчаливой женщины, объяснявшейся только жестами. Удивительно, но я её прекрасно понимала: в условиях, приближённых к экстремальным, мой мозг работал чётко и быстро. С огромным трудом я взгромоздилась на высоченный стул, и женщина с какой-то непонятной озлобленностью произвела обработку. На мои слабые заверения, что, мол, всё необходимое я сделала дома, она произнесла одно слово: «Положено». После процедуры она впервые помыла руки и гордо удалилась.

Посидев ещё минут двадцать, я всё же решила спуститься «с небес на землю» и не ошиблась – в приёмной, оказывается, уже допрашивали новую жертву, а обо мне просто забыли. После «обработки» мне уже было наплевать на то, что я хожу совершенно голая, и анкетиремая беременная проводила меня взглядом с нескрываемым ужасом. Толстая тётя на сей раз с хрустом жевала огурец, вытирая пальцы о белый халат.

Наконец меня «сдали» в отделение, где постовая медсестра после настойчивых просьб всё же выдала мне больничный халат размера на три больше моего и тапочки, рассчитанные на слона. В блаженный миг, засунув замёрзшие ноги под одеяло, я вдруг почувствовала, что слабая боль переросла в сильную и тягучую. «Это нервы», – подумала я. Прошло два часа. Боль заявляла о себе всё значительнее. Соседка по палате, заметив выражение моего лица, вдруг закричала: «У тебя же самые настоящие схватки, беги скорее к медсестре!» Выложив эту новость постовой медсестре, я вновь по её просьбе долго и нудно

рассказывала, как моя фамилия, сколько мне лет и где я живу. При этом мой увлекательный рассказ периодически прерывался болями, от которых я теряла дар речи, и наш диалог явно затянулся. Наконец, удовлетворённая, она поинтересовалась: «А ты уверена, что это схватки?» Но в ответ на мои слёзы всё же сообщила кому-то в телефонную трубку, что у неё тут «рожает одна».

И ушла. Правда, вскоре вернулась с баночкой зелёнки в руках: «Мажь быстренько этим ногти на ногах и руках, скидавай халат и больше его не надевай, он нашенский, в родилку так пойдёшь». В этот момент боль отступила, и я спросила: «А ногти-то зачем мазать?», и услышала всё то же злобное: «Положено!»

Ей-богу, всё это было бы смешно, когда бы не было так больно. Раскрашенная зелёнкой, как клоун, в коротенькой рубашонке и тапочках, спадающих с ног, я рысью бежала по коридору в родилку и тайно надеялась, что это недалеко. Моё путешествие неожиданно закончилось в палате с решётками на окнах, холодным каменным полом и кроватями, на которых, кроме клеёнки и грязной подушки, ничего не было. Впрочем, нет, на них ещё были четыре женщины, такие же зелёные и жалкие. Одна из них, увидев сопровождавшую меня медсестру, жалобно взвыла: «Сестра!», но та уже испарилась, и в дверях маялась я одна.

Изредка заходила акушерка, бросая на ходу веселящие душу реплики: «Не ори! Зачинала, небось, не орала!» и «Кто придумал в такую жару рожать?!». Через шесть часов непрерывного кошмара, окончательно оупев от боли, я спустилась с койки на холодный пол и, встав на колени, уткнулась головой в обшарпанную тумбочку. Мне чуть-чуть полегчало, но вошла акушерка, и я просто оглохла от её крика: оказалось, я уже рожая и мне нужно опять куда-то бежать, и опять быстро... Бежать я уже никуда не могла, но в покое меня никто оставлять не собирался – схватили и просто отодрали от пола.

Помню – я всё-таки бежала, было очень больно, и хотелось хоть секундочку передохнуть, но безжалостная рука толкала меня всё вперёд и вперёд. Помню – заставили поменять рубашку на чистую (как я это сделала, до сих пор не понимаю, клянусь, это был достойный цирковой трюк!). Но дальше – хуже: в зале меня ждал высоченный гинекологический стол, на который мне любезно предложили вскарабкаться. И представьте себе! Русская женщина, оказывается, способна не только коня на скаку остановить и в горящую избу войти, но и благополучно разродиться в лучшем в мире советском роддоме!

Спустя некоторое время всё кончилось.

...Мне показали синего ребёнка: «Нравится?» На мой вопрос: «Кто это, мальчик?» – акушерка рявкнула: «Слепая, что ли?» – и снова гордо ушла. Но мне уже было всё равно. Как и другие роженицы, я два часа лежала на каталке в коридоре. А впереди нас ждала ночь на раскладушках в соседнем родзале и – целая жизнь на то, чтобы суметь поверить: материнство – это всё-таки счастье...»

(Такое дивное письмо К. Нилова из Санкт-Петербурга «Рассказ моей жены» опубликовала газета.)

Безусловно, зачатие и рождение ребенка для каждой женщины являются наиболее глубокими и осмысленными событиями во всей ее жизни, и относиться к данному факту необходимо осознанно и ответственно. Вот что пишет А.В. Наумов, Президент межрегиональной общественной организации «Родительская культура и духовное акушерство», член Межрегиональной Ассоциации перинатальной психологии и медицины России, инструктор Школы родительского опыта «Рождество»:

«Прежде всего, будущую мать не устраивает то, что ей придется осваивать новую для себя роль «пациентки», которую она автоматически получает, попав в женскую консультацию. Там врачи обязательно наградят её болезнью с диагнозом «беременность», для начала переспросят о её нежелании сделать аборт и будут вести «пациентку», передавая её из рук в руки, от одного специалиста до другого, пока окончательно не избавятся от неё, отправив «больную» в родильный дом. Фактически, войдя в родильный дом, индивид меняет ролевой статус. Вместо роли независимой, самостоятельной действующей личности женщина принимает на себя роль «пациентки», утрачивая при этом право определять характер и последовательность своей повседневной активности, становясь зависимой от тех, кто, вероятно, обладает правом лечить её, исцелять её от главного недуга – ребёнка. Всё это порождает ощущение безнадёжности, ведёт к потере контроля над собственными поступками и даже над собственной жизнью. Насильно происходит перекалывание ответственности с главного действующего в родах лица, рожавшей женщины, на второстепенную личность – врача. Это нередко приводит, в свою очередь, к состоянию депрессии и страха. И к тому же о каком чувстве привязанности матери к своему рождающемуся ребенку можно рассуждать, если женщина, будущая мать, становится пациенткой, а ее ребенок – причиной самого болезненного состояния и во время беременности, и после родов?

Пример: «Мы женаты почти 3 года. Это был по-настоящему счастливый брак, пока не родился ребенок. У жены началась сильнейшая послеродовая депрессия, я умолял ее сходить к врачу, но она очень боялась осуждения родителей, как это – лечиться от депрессии, связанной с ребенком? Ведь дети – счастье! Я помогал, как мог, вечером забирал ребенка, чтобы она могла отдохнуть, помогал по дому. Вроде стало налаживаться, но в один прекрасный день я вышел с работы, позвонил ей, она сказала, что как обычно они с ребенком встретят меня на остановке. Но ее там не было, телефон не отвечал. Я побежал домой и нашел только плачущего сына, жены нигде не было, почти все вещи на месте и телефон тоже. Месяц от нее не было вестей, я посидел, ночей не спал, весь город на уши поднял. А сегодня мне на почту пришло письмо от нее. Она просто сбежала в другой город, к бывшему парню. Просто не выдержала. Пишет, что любит меня, но ненавидит ребенка и так будет лучше для всех. Просит прощения, но ей было стыдно сказать мне все в лицо».

В настоящее время появились и активно развиваются социальные группы, которых не устраивает сам подход к беременности, как к требующей медицинского вмешательства болезни. Подавляющее большинство, свыше 95%, интересующихся альтернативными методами ведения здоровой беременности – это интеллигенция, люди с высшим образованием. Не обязательно техническая, но обязательно думающая. Они хотят быть родителями, а не инкубаторами непонятно кого. Родительство для них является внутренней потребностью, потребностью осознанной, как осознанна наша жизнь на Земле. Одухотворённая беременность, пронизанная теплом и Любовью к новой жизни, пониманием своей предначертанности и исключительности своего ребёнка, позволяет будущим родителям отойти от шаблона медикаментозного подхода к беременности. При знакомстве с системой подготовки беременных к родам родители начинают акцентировать своё внимание на будущем ребёнке. Это не то внимание, которого требует от них общество, когда каждое новое ощущение в теле, каждый новый анализ мочи или крови несёт в себе явную или неявную угрозу для жизни, несёт в себе признаки патологии и нездоровья, которому суждено закончиться только через «родоразрешение». Беременность в нашем понимании – это период личного расцвета, наивысшего физического благополучия. Явным подтверждением этого и становится сама беременность, способность дать потомство.

Беременность начинает восприниматься как время свершений, время любования жизнью, природой, любимым человеком и тем самым близким существом, которое ещё только собирается воплотиться в сына или дочь.

Создание родительской культуры, сознательного родительства является настоящей потребностью сегодняшнего дня. Это гуманный, экологический подход к основе основ нашей жизни – умению спокойно и безпроблемно дать здоровое потомство. Произошла реконструкция, соединение разорванной цепи разрозненных событий, и всё вылилось в удивительной красоты Действо».

Итак, все благополучно в жизни беременной женщины: она хочет родить своего ребенка, она его чувствует и уже связана с ним всем своим существом. Однако впереди ее ждут роды, которые могут повлиять на ее чувство привязанности к будущему ребеночку и, главное, могут повлиять на формирование чувства привязанности новорожденного малыша к своей матери. Давайте разберемся, как мир встречает приходящего в него ребенка.

«Основными общими рекомендациями ВОЗ в области перинатальных технологий являются следующие (Межрегиональная конференция по технологии родовспоможения, Форталеза, Бразилия, 22-26 апреля 1985 года).

Здоровый новорождённый должен оставаться с матерью, когда это позволяет состояние их здоровья. Ни один процесс наблюдения за здоровым новорождённым не оправдывает разлучения его с матерью.

Следует поощрять кормление новорождённого грудью без промедления, даже ещё до того, как мать покинет родильную комнату.

Нет никаких оправданий для того, чтобы количество случаев кесарева сечения при родах в каком-либо конкретном регионе составляло более 10-15%.

Нет оснований для утверждения, что практикуемый во время родов электронный контроль за плодом положительно сказывается на исходе беременности. Контрольное наблюдение за плодом с помощью компьютера должно проводиться только в тщательно отобранных случаях и при провоцированных родах.

Нет показаний к тому, чтобы сбрасывались волосы на лобке или ставилась клизма перед родами.

Каждая женщина должна свободно решать, какое положение ей принять во время родов; рекомендуется во время схваток ходить.

Не следует вызывать роды в целях удобства; провоцирование схваток должно производиться в случаях особых медицинских показаний. Пропорция спровоцированных родов не должна превышать 10%.

Во время родов следует избегать практикуемого применения болеутоляющих и анестезирующих лекарств.

Обычно не рекомендуется производить разрыв мембран довольно поздней стадии. Искусственный разрыв мембран на ранней стадии родов не обоснован с научной точки зрения.

Большинство рожавших женщин говорят, что роды – это адская боль и мука. И что когда они рожали в первый раз, они клялись себе, что больше ни за что на свете не подвергнут себя и свое тело таким ужасным испытаниям. Безусловно, рожать больно. Но весь вопрос в том, как к этому относиться во время родов и после них! Приведем пример негативного отношения к тому, как прошли роды и, как следствие, формирование потерянного чувства привязанности:

«В этом году сестра родила ребёнка. Детей она всегда обожала, хотела двоих сыновей. После родов я просто стала не узнавать сестру. Раньше это был позитивнейший, открытый, простой человек, но всё изменилось. Её муж говорил, что всё наладится, что это просто послеродовая депрессия. Через две недели она наконец вышла с нами на контакт. Когда она вернулась домой, мы пытались поговорить с ней, но она просто начала кричать, что мы не знаем, что она чувствовала во время родов, что ей до сих пор в туалет больно ходить, что она ненавидит этого ребёнка и больше на эти попытки ни за что не пойдёт. Мамочка пыталась объяснить ей, что всё позади, но она и слушать не хотела. Муж пытался отвести к психологу, но она не согласилась. Через неделю сестра пропала, муж хотел идти в полицию, но получил смс, что «не ищите меня, я у отца, может быть, вернусь». Отец с мамой в разводе и живёт очень далеко. Её муж места себе не находит, мама целую неделю на нервах, а у ребёнка пупочная грыжа. Очень жалко и сестру, и ребёнка».

Вот что пишет врач, профессор К.С. БЫСТРОВА (г. Санкт-Петербург, публикация «К обоснованию значения режимов общения матери и новорождённого ребёнка для последующего разви-

тия и здоровья детей» в сборнике материалов конференции «Перинатальная психология в родовспоможении», Санкт-Петербург, 20-22 марта 1997 года).

«Становится очевидной несостоятельность применяемых до сих пор в нашей стране традиционных методов и подходов к содержанию и уходу за новорождёнными в родильных домах и домашних условиях в первые месяцы жизни. Так, в большинстве родовспомогательных учреждений России отмечаются:

разлучение ребёнка с матерью практически сразу после рождения;
отсутствие раннего прикладывания к груди;

раздельное пребывание матери и ребёнка в родильном доме;
жёсткий режим кормления, который может не соответствовать чувству голода у ребёнка, отсутствию или неэффективности сосания и докорму персоналом искусственной смесью в промежутке между кормлениями;

отсутствие контактов матери и ребёнка с другими членами семьи. Обычная больничная практика, принятая во многих странах, стереотипно исключает отца из процесса раннего взаимодействия со своим ребёнком. Тем не менее новые научные наблюдения изменяют традиционное игнорирование роли отца. Наблюдение за поведением отца при первом раннем контакте со своим ребёнком привело к появлению термина **«всепоглощение»** для описания мощного, властного воздействия новорождённого на своего отца. Проспективные исследования показали, что если в первые дни после рождения ребёнка отцы имели с ним контакт «глаза в глаза» суммарно в течение часа, а также всего два раза за эти дни переодели его, то по прошествии трёх месяцев они проявляли достоверно более заботливое поведение по отношению к ребёнку, чем отцы, не имевшие доступа к ребёнку в первые дни. Напрашивается логический вывод: не только мать, но и отец должен находиться с ребёнком после рождения для более быстрого и прочного установления обоюдной привязанности».

Как мы уже отмечали, чувство привязанности обычно формируется на первом году жизни малыша – *устанавливается тесная эмоциональная связь определенного характера: запечатленного, обособленного или амбивалентно-циклического*. Однако даже тесная эмоциональная связь подвержена *разрушению*. Что может при-

вести к этому? *Разлука!* Из десяти разлученных детей в двухлетнем возрасте, наблюдаемых в Тэвистоке (1966) учеными Хейнике и Вестхеймером, шесть показывали выраженное и длительное враждебное поведение по отношению к матери и негативизм после своего возвращения домой: никакого подобного поведения не наблюдалось у экспериментальной группы десяти неразлученных с родителями детей такого же двухлетнего возраста.¹

Если кратковременная разлука ребенка с матерью таким негативным образом отражается на поведении ребенка, то каким испытаниям может быть подвергнуто сформировавшееся определенным образом чувство привязанности? Каким страданиям может быть подвержен ребенок, влюбившийся на всю оставшуюся жизнь в единственный запечатленный образ своей матери в ситуации длительной разлуки? Сможет ли кратковременная или длительная разлука разрушить эмоциональную связь запечатленного чувства привязанности? Мы считаем, что *запечатленное чувство привязанности будет по-прежнему сильнейшим образом продолжать связывать ребенка с объектом его любви независимо от степени, интенсивности его страдания*. Ребенок с запечатленным чувством привязанности может еще долгое время *«хранить» надежду на возвращение матери* даже после того, как ему сказали, что она умерла (уехала, заболела) и больше он ее не увидит. Ребенок с запечатленным чувством привязанности может быть погруженным в свои привычные игры, дела, но при этом он будет выражать внутреннюю уверенность в том, что его мать не может его оставить, что она где-то рядом и очень скоро они будут вместе. Такова сила запечатления.

Однако амбивалентно-цикличное чувство привязанности в первую очередь, а возможно, и обособленное чувство привязанности *могут не выдержать длительной разлуки с объектом привязанности*. Вначале, на короткий миг, ребенка может объять оцепенение от драматичности и неожиданности разлучения с объектом привязанности. В какой-то момент времени ребенок, испытывающий цикличное чувство привязанности, может переживать всю гамму своих амбивалентных чувств от невыразимой любви к матери до ужаса, ненависти и негодования. Но после этого ребенок может испытать *полное бессилие и впасть в отчаяние*. Затем наступит *фаза отчуждения*, которая может привести к *потерян-*

¹ Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 114.

му чувству привязанности. То есть ребенок будет знать, что у него была эмоциональная связь с матерью, но он будет также знать, что *мать виновна в том, что она его заставила себя забыть*. Но, тем не менее, ребенок будет продолжать испытывать страдания, проявлять враждебность или агрессию по отношению к матери, объекту своего потерянного чувства привязанности. Либо ребенок может настолько углубиться в фазу отчуждения, что *будет стараться насильно «выключить» свою эмоциональную привязанность*, демонстративно переключиться на другой объект привязанности, желая таким образом наказать свою мать за те страдания, за потерю надежды на возобновление эмоциональной связи.

Приведем пример.

«Когда мне было 14 лет, родилась младшая сестра. Жили в то время плохо, денег не было, и родители отдали меня в интернат на три года. Не объяснили даже ничего толком, только «вот сестра, ты подумай о ней, денег мало, она маленькая, а ты уже взрослая, как-нибудь справишься». Вся жизнь поменялась. Но это было свое-образным толчком, и после я вернулась, поступила в институт, выучилась, нашла работу, переехала и зажила своей жизнью. Вырвалась. У мужа свое дело, я сама заработала на свою отдельную квартиру (мало ли что) и машину, есть дочка, с которой у нас замечательные отношения. И вот родители. Не смогла их простить, хотя даже к психологу ходила. А они просят помочь им и сестре, которая никак не может устроиться на работу. Просила сто раз уже не звонить мне и оставить в покое. Но «мы же твои родители, она же твоя сестра». Да никто они мне, только люди, которым нужны мои деньги и связи».

Со временем даже возвращение ребенка в семью *не может гарантировать в принципе* восстановление эмоциональной привязанности, которую ребенок испытывал прежде, до разлуки.

Ребенок с обособленным чувством привязанности может также интенсивно страдать впоследствии *разлуки*, поскольку за обособленным чувством привязанности стоят *целостная сфера взаимных интересов*, атмосфера уникального общения, эмоционального и интеллектуального развития. Практически разлука с объектом обособленного чувства привязанности может восприниматься ребенком как *рассечение мира на пополам, как метафизическая утрата половины себя*. Ребенок может испытывать *невероятную жажду возвращения* того, как ему было *хорошо* вместе с объектом своего

обособления, *стремления вернуть* ту атмосферу заинтересованности друг в друге, *ту благодать*, которую дарит уникальное общение любящим людям. И в ситуации невозможности возвращения к «прежней» жизни ребенок *может и должен опереться* на другие особые отношения, которые его связывают с другими людьми. *Вот почему так важно иметь несколько объектов обособленного чувства привязанности!* Вот почему ребенок *должен научиться сотрудничеству и взаимной поддержке с детства*, поскольку развитие каждого человека, с одной стороны, *открывает* новые возможности встретить уникальных для данного временного интервала людей и сформировать с ними особые отношения, а с другой стороны, *завершает* определенные увлечения и интересы. Такое движение подобно движению в сообщающихся сосудах: один сосуд наполняется, в то время как другой сосуд опустошается. Безусловно, опустошение приводит к естественной печали и задумчивости, так как *это не только потерянное чувство привязанности*, которое постепенно угасло «за ненужностью или невозможностью дальнейшего развития», это *определенный отрезок жизни, который останется лишь в воспоминаниях*. Родители должны осознавать, что они не смогут всегда быть рядом со своим ребенком, что рано или поздно, но у их чада начнется своя, взрослая жизнь. И очень важно, чтобы *обособленное чувство привязанности ребенка к родителям сохранялось как можно дольше и чтобы его угасание происходило как можно более естественно*, гармонично и оставило в памяти семьи, рода те радости и печали, которые вся семья пережила как единое целое и передала своим наследникам!

Потерянное чувство привязанности может закрепиться у ребенка в результате *неудачи в формировании обособленного чувства*. Неудача может быть связана как *с отказом объекта привязанности формировать особого рода отношения*, так и *с разрывом уже сформированных обособленных отношений*. В обоих случаях развивается *внутренняя неуверенность ребенка в себе, в своих способностях*. Безусловно, негативный опыт сорвавшихся, но весьма желательных, особенных отношений с тем или иным ребенком или взрослым человеком сказывается на формировании и развитии его характера. Ребенок в результате может стать скрытным, «зажатым», замкнутым. Он также может испытывать *глубокий страх повторения своей неудачи в ситуации явного интереса к тому или иному человеку*. Порой неудачи в выстраивании отношений сотрудничества и взаимной поддержки могут подтолкнуть ребенка к более

осторожному установлению контактов с заинтересованными лицами или, наоборот, могут подтолкнуть ребенка действовать более смело, более настойчиво. Многое зависит от того, *склонен ли ребенок обвинять себя в неудаче* по установлению контактов или *винить в неудаче других людей*, тех, с которыми он хотел бы установить особенные отношения, с которыми ему интересно.

Повторение неудачных попыток установить особые отношения могут привести к *серьезным трудностям в развитии коммуникативных способностей*. А неоднократные разрывы эмоциональных связей обособленного чувства привязанности могут привести к принципиальному отказу ребенка, подростка, молодого человека устанавливать какие-либо отношения. Кроме того, подросток или молодой человек могут *рационализировать свою личную неудачу* в формировании обособленного чувства привязанности идеей того, что «хорошо, что не получилось с этим человеком, так как вскоре откроется возможность наладить особый контакт с другим, еще более интересным и еще более успешным человеком». Таким образом, подросток или молодой человек (девушка) могут не вступать в особые отношения с другими людьми, так как будут считать, что эти люди *недостойны их обособленного чувства привязанности*. Они будут находиться в *бесконечном поиске* более достойных лиц, замещая свое стремление к эмоциональной близости маской высокомерия и отчужденности.

Проблема эмоциональной холодности, неприступности, являющаяся следствием сформировавшегося потерянного чувства привязанности, систематически изучается многими психоневрологами и психоаналитиками. Так, например, известный психоаналитик *Эрик Эриксон* писал: «Конечно, к психоаналитикам идут в основном люди, не выдерживающие напряженности современной жизни: множества альтернатив, контрастов, полярных противоположностей. Например, постоянная боязнь быть связанными прочными обязательствами: желание сохранять свободу на случай появления более широких и лучших возможностей».¹

Таким образом, человек боится выстраивать особенные отношения с тем или иным представителем его социального, образовательного, профессионального кругов, так как ожидает, что позднее ему представится возможность это сделать с *более выгодным*

¹ Э. Эриксон. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 75.

партнером (учеником, соседом, коллегой, приятелем). Все это является *следствием потерянного чувства привязанности*, которое сформировалось в результате *разрушения* обособленного или циклического чувства. К сожалению, потерять чувство привязанности гораздо легче, чем восстановить или установить заново, так как на каждом этапе появления ребенка – от зачатия до рождения, от первых лет жизни до школьного возраста, от школы до института – возникают ситуации, способные привести к разрушению эмоциональных связей. Больше всего потерянное чувство привязанности оказывает *негативное влияние на процесс формирования семьи (принципиально на возможность ее создания) и на психическое здоровье человека в целом (изменение характерологических особенностей человека при одиноком образе жизни, неудовлетворенности собой и своей жизнью в целом, потеря смысла и веры в человечество)*.

Следует отметить, что потерянное чувство привязанности теряется по-разному по различным причинам, но в любом случае чувство привязанности переживается человеком, сознательно или бессознательно. Человек может осознать, что с ним что-то происходит «неправильное»: порой может накатывать на него и чувство тоски, одиночества, и чувство тревоги, беспокойства. Но он может не захотеть признаться себе в том, что его психическое расстройство связано с потерянным чувством привязанности, человек может бессознательно отвергать идею о том, что его тревожные или беспокойные состояния имеют отношение к его родителям непосредственно, к детским годам его жизни. Кроме того, человек с потерянным чувством привязанности может *не задумываться* о том, способен ли он выстраивать межличностные отношения с другими людьми *на основе эмоциональной близости*. Он может *обвинять* в таком случае других людей в черствости или невероятной ранимости, которые мешают ему быть близкими, сохранять с ними душевный контакт.

Особенно тревожно испытывать потерянное чувство привязанности в *подростковом возрасте, на самом пике поиска своей идентичности, поиска себя и своего предназначения, смысла жизни, личностного и профессионального самоопределения*. Именно потерянное чувство привязанности может спровоцировать *кризис интимности*, о котором писал Эрик Эриксон¹. Он имел в виду

¹ Эрик Эриксон. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 147.

не столько сексуальную интимность, сколько «предшествующую ей способность развивать истинную и зрелую психологическую интимность, в общении с другим человеком, обнаруживать ее в дружбе, в эротических связях или в совместных устремлениях».

Эриксон считал, что если молодые люди не могут вступать в действительно интимные отношения с другими людьми – и, конечно же, в первую очередь *со своими внутренними ресурсами*, – то в позднем отрочестве или в ранней взрослости их межличностные связи становятся весьма *стереотипными*, а сами молодые девушки и юноши приходят к *глубокому чувству изоляции*.

На наш взгляд, очень *важно сохранять* со своей семьей обособленное или цикличное чувство привязанности на всех возрастных этапах жизни для того, чтобы, во-первых, иметь через своих кровных родных доступ к своим внутренним ресурсам, *знать, кто ты такой*, чтобы тем самым не оказаться в глубокой изоляции, а во-вторых, чтобы поддерживать те *незримые нити рода ради собственных будущих детей, потомков*, которым должно быть передано чувство эмоционального родства, близости. Это является общей задачей всей семьи, как прародителей и родителей, так и вырастающих детей и внуков.

Мы считаем, что нельзя относиться к потерянному чувству привязанности как к *окончательному приговору*. Мы считаем, что человек, испытывающий потерянное чувство привязанности, может осознать это как проблему душевного одиночества и сделать все возможное, чтобы вернуть себе чувство радости от близости с родными ему людьми. Иногда необходимо обратиться к специалистам, чтобы получить помощь в восстановлении нарушенного чувства привязанности, в осознании себя как части целого рода. И мы бы хотели *искренне верить*, что потерянное чувство привязанности является *временным чувством*, которое как *сторожевой пес действительности* напомнит человеку, что у него не все в порядке с его жизнью.

«Я ненавижу свою мать, признаюсь в этом честно. С детства побои, вечные упреки, истерики, постоянные походы в церковь, чтобы изгнать из меня «дьявола». Когда подросла – главной целью моей жизни стало уйти из родительского дома. И вот – я уже 21-летняя девушка, живу с молодым человеком, который поднял мне опущенную в ноль самооценку. И тут я узнаю, что моя мать заболела. А я даже не хочу ей помогать. Совсем. Мне ужасно стыдно, но я не могу преодолеть себя».

«Муж 4 года уговаривал меня родить ребенка. Родилась дочка. Он хотел еще сына, решили заводить погодок. Вторая дочка родилась раньше срока, но быстро набирала вес. Муж расстроился, а через 1,5 года просил третьего. Когда получил отказ, перестал помогать с детьми, потом начал уходить из дома. Когда младшей дочке было 2,5 года, муж ушел к другой женщине. Сняла квартиру, денег хватало, хоть и работала я очень много. Через год муж начал проситься обратно. Несколько месяцев я думала, пока не встретила его девушку на последнем месяце. У него родилась третья дочка. В какой-то момент я сорвалась. Началась дикая апатия ко всему, свалила дочек на маму, взяла отпуск и лежала дома. Меня отвели к врачу, который настоял на стационаре. Месяц я лечилась, со мной работал психиатр. Потом отдыхала в санатории, выезжала только к врачу, теперь вернулась на работу. Мне лучше, прошло почти все, кроме невнимания к дочкам. Раньше я их любила больше жизни, а теперь навеЩаю раз в неделю и не хочу забирать от мужа. Не могу себя заставить».

Порой потерянное чувство привязанности у матери к своим детям нарушает ее восприятие себя как женщины. Данный пример лишь подтверждает тот факт, что от того, насколько бережно и верно относится муж, любимый мужчина к жене, любимой женщине, настолько смогут гармоничные супружеские отношения укрепить, поддержать детско-родительские.

И пусть мучительность и страдательность потерянного чувства привязанности, как ложка дегтя в бочке меда, помогут человеку обрести себя в потоке жизни, найти пути к восстановлению душевного равновесия и эмоциональной близости, а близкие люди смогут простить и принять «заблудшую душу».



Глава 6.

ВИРТУАЛЬНОЕ ЧУВСТВО ПРИВЯЗАННОСТИ

Аннотация: В данной главе рассматривается современное развитие высоких информационных технологий и их влияние на образ жизни людей, семьи. Анализируются причины невероятной привлекательности для детей и взрослых виртуальной реальности и формирование устойчивых моделей виртуального чувства привязанности на фоне возникновения различных интернет-сообществ.

Пятым типом чувства привязанности является *виртуальное чувство привязанности*, а если быть более точными, то **чувство причастности к созданию виртуального контакта**. В настоящем мире баланс между людьми, которые бы свое свободное время «провели на природе» (природная реальность) или «посидели бы в интернете» (виртуальная реальность), все больше сдвигается в сторону увлечения компьютерными технологиями. И влияние компьютерных технологий на восприятие человека, его мышление, потребности, осознание себя и социума, себя в социуме углубляется с внедрением каждой новой компьютерной программы, с вбрасыванием на рынок каждой новой компьютерной игры, с открытием каждой новой социальной сети, с продвижением каждого нового информационно-цифрового продукта.

По данным исследовательской группы ЦИРКОН, каждый день выходят в интернет 37% взрослых людей, а 93% подростков и мо-

лодежи не просто являются компьютерными пользователями, а живут посредством интернета – общаются, обмениваются информацией, развлекаются, скачивают музыку, смотрят фильмы онлайн, играют в компьютерные или карточные (магические, виртуальные) игры, загружают на свои странички в социальных сетях сотни тысяч фотографий из своей личной жизни, пишут миллионы комментариев и просматривают десятки миллионов различных сайтов, путешествуют по миру, оплачивают услуги и заказывают все необходимое – еду, питье, вещи и т.п.

Для многих людей виртуальная реальность обладает свойствами более истинной действительности, нежели природная реальность. И точно так же, как компьютер проникается все больше и больше человеческими эмоциями, чувствами, так и человек все больше и больше тяготеет к формально-логическому мышлению, программному подходу в оценке жизни других людей, братьев по разуму. С одной стороны, общество испытывает страх перед тем, что искусственный интеллект захватит власть над миром, а с другой стороны, человек испытывает определенную потребность в компьютеризации своей жизнедеятельности (медицина, биология, генетика, физика, математика), практическую зависимость от интернета. Как пишет Сидни Дж. Харрис, «опасность не в том, что компьютер однажды начнет мыслить как человек, а в том, что человек однажды начнет мыслить как компьютер».

Практически с 1994 года по современное время мы наблюдаем распад семейных ценностей, связанных с воспитанием детей. Возможно, кризис семейных отношений является следствием глубокого нарушения чувства привязанности родителей к своим детям, сложностей и препятствий в самом процессе формирования эмоциональной, психологической близости между мужчиной и женщиной, между родителями и прародителями, между братьями и сестрами, а также общей тенденции снижения доверия между людьми, как сотрудниками, коллегами, партнерами.

Не лишена логики и гипотеза о том, что массовое отчуждение людей друг от друга в эпоху информационно-цифровых технологий привело к структурному нарушению процесса формирования чувства привязанности между людьми в принципе. А не только чувства привязанности между мужчиной и женщиной, как основной движущей любовной силы в создании семьи, не только между родителями (пара – мать и отец) в процессе зачатия, рождения и воспитания ребенка и не только в детско-родительских отношениях между матерью и ребенком или отцом и ребенком.

Вернемся к статистическим данным. Множество причин и факторов повлияло на то, что Россия по числу детей, лишенных родительской опеки, возвратилась на уровень даже не послевоенный, а на уровень после Гражданской войны. Например, в 1917 году в детских домах воспитывалось 30 тысяч детей, в 1918-м – 80 тысяч, в 1919-м – 125 тысяч, в 1920-м – 400 тысяч, в 1922-м – 540 тысяч.¹ А в 2011 году в России приблизительно на 100 тысяч детей – социальных сирот – *больше*. Какие революционные изменения в российском обществе могли настолько нарушить семейные узы, травмировать детско-родительские отношения, чтобы вернуть современное, богатое и мощное государство Российское в годы хаоса и идеологического разлома? Кризис семьи в 1917 году мог возникнуть по идеологическим соображениям, когда один брат поддерживал «красноармейцев», а другой брат – «белогвардейцев», когда рушились вертикальные государственные связи, преследовались религиозные верования. Какая идеология конца второго и начала третьего тысячелетия могла свергнуть основу основ государства – семью? Ведь революционные по своей сути изменения отношения людей друг к другу как внутри семьи, так и в открытом социуме в современном мире из-за незаметного, а потому и неосознаваемого характера воздействия на общество становятся опасными своей неожиданностью и предрешенностью.

«За последние четверть века в России произошла многовекторная революция, которая так или иначе оказала влияние на судьбы тех поколений россиян, которым пришлось социализироваться и жить «в эпоху перемен»», – написал Анатолий Викторович Мудрик, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии МПГУ в своей статье «Поколение как субъект социального воспитания и объект социальной педагогики». А.В. Мудрик обозначает важную проблему межпоколенческих отношений, которую он формулирует таким образом: «Существенный разрыв поколений во владении ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) дает существенные различия в мировосприятии, в отношениях к миру, к себе, к окружающим».

На наш взгляд, базовое доверие к человеку нарушено технократическим образом жизни, превалирующим в городах с плотной многоэтажной застройкой территории. Население города-миллионера существенно отличается по образу жизни от людей, жи-

¹ Педагогическая энциклопедия. – М., 1964. – Том 1. – С. 193-194.

вущих в небольших городах провинциальной России. Это вносит раскол как внутри России, так и внутри самого поколения, как относительно однородной по возрасту группе сверстников. Среда обитания человека уже не просто ограничена передвижениями из дома на работу и обратно с работы домой. Современная среда обитания человека, словно через игольное ушко, проникла через реальный мир в виртуальное, кибернетическое пространство.

Киберпространство, как среда обитания человека, невероятно привлекательно головокружительным простором возможностей самореализации даже маленького, социально неопытного ребенка. Попав единожды в виртуальный мир, человек начинает забывать о том, что этот мир является искусственной иллюзией, качественной без сомнения, но иллюзией. Так информационно-коммуникационные технологии создают феномен измененного сознания. Во времена Шекспира распространено было изречение: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». В современном мире настойчиво и упорно главные места занимают компьютерные игры. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что «Весь мир – игра, а люди в ней – геймеры, игроки» или «Весь мир – стена, а люди – это посты». На компьютерную игру были похожи реальные убийства в школах США, когда несколько ребят ходили по своей школе и расстреливали в упор своих одноклассников и других учеников. В России пока нет подобных явлений, но геймерство является одним из самых распространенных времяпрепровождений школьников, а стремление предъять всему интернет-сообществу свою жизнь в виде постов из своих фотографий, видеороликов, комментариев агрессивного или интимного характера завладевает умами не только молодых людей, но и людей среднего, зрелого возраста.

В докомпьютерную эру стремление поделиться своими чувствами и мыслями реализовывалось в рамках детско-родительских отношений, в непосредственном общении со сверстниками. В современном мире подросткам и молодым людям привычнее написать сообщение в мобильном телефоне или оставить «коммент на стене» в социальной сети, излить душевные страдания на сайте типа «Кил ми плиз» или «Задолбали». Мы не настроены негативно ни к компьютерным играм, в том числе играм онлайн, ни к сайтам, где идет живое общение, ни к социальным сетям. Все это – признаки современной цивилизации, а присутствие в интернете воспринимается человеком как естественная принадлежность к современному цивилизованному миру. Но мы долж-

ны понимать, какие общественно-социальные и психологические процессы возникают, как следствие прихода компьютерной эры. Неизбежное отдаление людей друг от друга во многом затрудняет и процесс формирования чувства привязанности в рамках одной семьи, и установление дружеских отношений в рамках одного класса, студенческой группы, города.

Мы отметили, что формирование чувства привязанности имеет свои особенности, связанные с тенденцией ослабления доверительных отношений между людьми. Не меньшее влияние на формирование чувства привязанности между людьми в современном мире оказывает изменение самой природы формирования ответственности у детей, подростков и молодежи. Действия человека (пользователя) в виртуальном пространстве не предполагают личной ответственности за происходящие события, поскольку всегда можно перезагрузить компьютер и сбой в системе будет преодолен автоматически программным обеспечением компьютерной техники, а не усилиями самого пользователя, который может действовать и не от своего лица, а от выбранного им «аватара». Кроме того, ребенок, подросток, молодой человек могут «обитать» в киберпространстве во множестве различных ипостасей и пребывать на различных интернет-ресурсах под вымышленными именами, «никами».

Безусловно, такое множественное самовыражение вносит определенный хаос в общение с такими же безличными, безликими зарегистрированными пользователями или гостями сайта. Недаром модераторы, блогеры и администраторы популярных сайтов или социальных сетей жалуются на проблему «ботов»¹, когда ты, живой человек, не знаешь определенно, с кем ты обща-

¹ <http://www.computerer.ru/?p=1318053722>

Артемий Торчинович

Робот, или бот, а также интернет-бот, www-бот и т.п. (англ. bot, сокр. от англ. robot) – специальная программа, выполняющая автоматически и/или по заданному расписанию, какие-либо действия через те же интерфейсы, что и обычный пользователь. Кроме того, боты находят применение в условиях, где требуется лучшая реакция, чем возможности человека (то есть игровые боты, боты для интернет-аукционов и т.п.), или, что менее обычно, для имитации действий человека (то есть боты для чатов и т.п.). Интернет-боты могут использоваться для мошенничества типа en:Click fraud. В последнее время стали массовыми боты, используемые в играх жанра MMORPG. Спам-боты используются для распространения по различным ресурсам сети информации (обычно рекламного содержания). Боты часто используются для покупки лучших

ешься – с человеком или роботом. Обезличенность и анонимность пользователей интернета порождает множественность не только самовыражения «живых пользователей», но и множественность подделок – роботов или ботов, размывая личную ответственность за действия в виртуальном пространстве, подрывая доверие людей друг к другу, создавая прецеденты общения человека с подставными ботами, которые запрограммированы вести себя как человек. Практически нет ни одного пользователя интернета или геймера, который не имел бы отрицательного опыта общения с ботами либо пользователями, которые не являются теми, кем представляются в общении (например, подросток представляется взрослым мужчиной или прикольной девчонкой). В результате процесс формирования чувства привязанности между людьми разных поколений наталкивается на сложности, связанные с формированием подозрительности, как черты характера пользователя интернета с одной стороны, и безответственности, волюнтаризма и авантюризма с другой стороны.

Автоматическое неверие людям, подозрительность и безнаказанность не только затрудняют формирование чувства привязанности между родителями и детьми, но и лишают надежды на взаимопонимание в результате существенной разницы в опыте владения компьютерными технологиями, в опыте общения в социальных сетях, форумах, чатах, а также в опыте участия в компьютерных играх. Кроме того, родителей и детей разделяет не столько разница в опыте взаимодействия со своими сверстниками (круги общения у родителей и детей), но и разница в отношении к самим себе. Молодому поколению владение компьютерными технологиями добавляет самоуважения, самодовольства и определенного чувства превосходства над поколением родителей, что также не способствует укреплению чувства привязанности между родителями и детьми. Особенно если в семье живет подросток (школьник) или молодой человек (студент). Разница в овладении компьютерными

мест на концертах, авиарейсах и т. п., особенно в целях последующей перепродажи. Это позволяет ботам в кратчайшие сроки забронировать так много мест, как возможно. Таким образом, прибывающая обычная публика зачастую имеет меньше шансов приобрести билеты. Для противодействия автоматическим действиям сейчас наиболее широко применяется т. н. CAPTCHA. CAPTCHA, по сути, является одной из форм теста Тьюринга, применяемой для различия машины и человека путем демонстрации специальным образом графически обработанного текста.

технологиями приводит к ослаблению эмоциональной близости, привязанности детей к родителям еще и по той простой причине, что времяпрепровождение за компьютером (геймерство, поиск информации в интернете) оказывается для подростка более значимым, чем общение с родителями, помощь прародителям.

А сами родители испытывают собственную беспомощность в борьбе за ограничение времени «просиживания» их детей у монитора компьютера и не могут конкурировать с современными развлечениями, которые предоставляет интернет. Родители то и дело натываются на барьер из оценок: «Мне с вами скучно», «Мне это не интересно», «Оставьте меня в покое!». А развитие компьютерной техники в сторону мобильности и компактности создает еще больший разрыв между поколениями, между родителями и детьми. С одной стороны, чтобы угодить своему любимому чаду, родители покупают своим детям дорогостоящие новинки: планшетики, смартфоны, навигаторы, с другой стороны подобными действиями родители не только подкрепляют самоуважение и самовольство своих детей, но и становятся в некоем смысле заложниками технологического прогресса, который ежегодно порождает новые волны потребительской лихорадки, погоню за брендами.

Происходящее в виртуальном пространстве, например, в социальных сетях, вносит изменения в представления людей об окружающем их мире, формирует определенное личное мнение, общественное мнение. Процесс общения людей в социальных сетях обладает невероятной динамичностью (твиттер, например), привлекательностью в овладении популярными устройствами (смартфоны, айпады и т.п.) и их программными приложениями. Тенденция к сокращению длительности контактов между людьми в пользу тенденции к увеличению количества контактов (все социальные сети направлены на добавление контактов) не может не отразиться на природе формирования чувства привязанности между людьми. Сент-Экзюпери¹ в своей сказочной повести «Маленький принц» позволил ощутить многим поколениям сложную природу привязанности, приручения. Такие афоризмы как «Когда даешь себя

¹ <http://aphorism-citation.ru/> Антуан Мари Жан-Батист Рожер де Сент-Экзюпери родился 29 июня 1900 года в Лионе, Франция. Французский писатель. Автор произведений «Ночной полёт», «Планета людей», «Маленький принц», «Письма юности», «Ветер, песок и звёзды» и др. Разбился на самолете около Марселя 31 июля 1944-го.

приручить, потом случается и плакать» и «Мы в ответе за тех, кого приручили» стали крылатыми фразами девятнадцатого века. В современном же мире ценностью считается количество добавленных друзей на личной странице в контакте или на фэйсбуке. А как можно нести личную ответственность за 100 друзей, которые были добавлены как друзья друзей? Какой уровень привязанности человек может испытывать к широкому кругу приятелей и знакомых, с которыми он выходит на связь несколько раз в месяц, просматривая их посты и перепосты от других знакомых, выражая свое мнение о том, нравится ли ему та или иная картинка, и набирая в свой архив то, что интересно. Возможность анонимно оценивать своих «друзей», писать свои едкие и каверзные комментарии, плести интриги и наговоры, шутить, прикалываться самым непристойным образом над близкими людьми и думать, что все это забавно и весело, – вот смысл времяпрепровождения за компьютером у достаточно большого количества современных молодых и взрослых людей.

Таким образом, акцент общения в социальных сетях смещается с непосредственного прямого интереса к людям на интерес к их публикациям, отражающим их реальную жизнь в виртуальном мире. Поэтому и чувство привязанности формируется на базе *наблюдательной активности* человека к процессу жизненной активности других людей, но никак не ответственности и доверия. В результате создается искусственный интерес к жизни других людей, но никак не к собственной жизни. *Комментировать, анализировать, критиковать, оценивать действия других намного легче и увлекательнее, чем себя самого.* Возможно, именно наблюдательная позиция рассматривания чужих жизней в виртуальном пространстве является препятствием на пути формирования чувства привязанности, основанного на доверии и ответственности, эмоциональной близости и теплоте, любви к другому человеку в реальном мире. Люди стали редко делать шаги навстречу друг к другу. Для этого необходимы социальная смелость, личная ответственность за мотивацию движения навстречу друг к другу и, конечно, длительность установленного контакта, стремление к сохранению контакта, которое основано на осознании ценности живого общения.

Тем не менее в интернете появляются очень устойчивые привязанности, которые по своей природе имеют множественную форму, порождая идею чувства привязанности к интернет-сообществу, интернет-группе, основанного на доверии к интернет-пространству, а не на личном доверии друг к другу, поскольку люди

из сообщества могут быть даже не знакомы лично. В современном мире возникают такие привязанности, которые пользователь интернета ощущает не столько как человек, сколько как ролевой участник события, акции. Люди проявляют себя активно в течение определенного времени, за которое они могут пообщаться с неправдоподобно большим количеством незнакомых людей, например, фанов группы «Green Day», вокалиста группы Билли Джо Армстронга. Фанам совершенно не обязательно знать друг друга, жить в одном городе, в одной стране. Их эмоциональная близость и доверие возникают автоматически со времени прохождения регистрации в фан-группу, поскольку они все любят и слушают музыку этой группы, знают тексты их песен, ездят на их концерты. Они все испытывают чувство привязанности к любимой группе, и их жизнь в результате наполнена смыслом, общением, доверием. Но в реальной жизни эти люди могут быть несчастными, одинокими, никого не любить и никем не быть любимыми. В реальной жизни им сложно сформировать похожее по эмоциональному накалу виртуального мира чувство привязанности к человеку, который находится рядом, например, к брату или сестре, к маме или отцу, которые не разделяют с этим человеком его «радости жизни». Чувство общности людей-аватаров из виртуального мира со множественной природой чувства привязанности к интернет-группе затмевает и делает незначительным чувство привязанности к обыкновенному человеку, живущему в реальном мире.

Сент-Экзюпери в прошлом веке написал: «Кто долго жил всепоглощающей любовью, а потом ее утратил, иной раз устает от своего благородного одиночества. И, смиренно возвращаясь к жизни, находит счастье в самой заурядной привязанности». В нашем двадцать первом веке люди менее всего хотят быть обыкновенными, заурядными или наивными. Но, с другой стороны, современные люди боятся стать ненужными, лишними «словно куча лома». Возникает глубокое психологическое противоречие внутри самого человека, который хочет быть любимым, но боится, что его любовь будет обычной, обыкновенной, а не чудесной, потрясающей, эмоционально насыщенной. Данное противоречие может прервать формирование чувства привязанности, нарушить уже созданные отношения, любовные связи.

Таким образом, модели поведения в виртуальном пространстве начинают переноситься человеком на его образ жизни в реальном мире и влиять на установочные цели и задачи. Легкость, с

которой молодые люди встречаются и расстаются, является прежде всего результатом изменения природы чувства привязанности, свойственной молодому поколению, выбирающему гражданский брак, а не официально зарегистрированный брак в загсе или венчание в РПЦ.

На наш взгляд, в современном мире стремительно развивается новый тип чувства привязанности – ***чувство причастности к созданию виртуального контакта***. И пока приверженность к виртуальному пространству рассматривается человечеством как жизненная необходимость, социальная общность (социальные сети) или на крайний случай как зависимость (геймерство), новое чувство виртуальной привязанности сможет занять лидирующее положение в системе человеческих отношений.



Глава 7.

ФОРМЫ НАРУШЕНИЯ ЧУВСТВА ПРИВЯЗАННОСТИ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ. КОНСТРУКТИВНЫЙ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ СМЫСЛЫ ИЗЪЯТИЯ РЕБЕНКА ОРГАНАМИ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Аннотация: В данной главе рассматриваются причины и формы нарушения чувства привязанности родителей к детям, что приводит к нарушению доверительных отношений в семье, возникновению проблем с пониманием причин проявления страха, агрессии, раздражения как со стороны ребенка, так и со стороны самих родителей. Анализируются конструктивные и деструктивные смыслы изъятия ребенка из кровной семьи органами опеки и попечительства в зависимости от типа сформированного чувства привязанности в семье.

«Возможно, никакая другая область современного мышления не испытывает столь явного воздействия на нее трудов Фрейда, чем область, касающаяся ухода за ребенком». Эти слова были произнесены в 1956 году известным британским психоаналитиком, автором теории привязанности, которую он изложил в трехтомнике «Привязанность и утрата», Джоном Боулби. «Фрейд не только настаивал на том очевидном факте, что корни нашей эмоциональности лежат в младенчестве и раннем детстве, но также пытался систематическим

образом исследовать связь между событиями в первые годы жизни и структурой и функционированием личности впоследствии»¹.

Джон Боулби считал революцией в мышлении идеи Зигмунда Фрейда о том, что «наиболее значимыми воздействиями для ребенка являются те, которые он испытывает до того, как начинает ходить в школу, и что к этому времени у него уже сформированы определенные отношения со значимыми лицами, которые могут решающим образом влиять на все последующее развитие ребенка», и что «будет ли ребенок счастлив и уравновешен в этот период (более позднее детство) или несчастлив и не в ладах с обществом или со своими уроками, в значительной степени это зависит от одной вещи – адекватности раннего ухода за ним»².

Следует очень *серьезно относиться к переживаниям ребенка в возрасте до пяти-шести лет, связанным с разлукой, утратой любимого человека, объекта чувства привязанности*. Ребенок может испытывать глубокую печаль, впасть в длительную депрессию: его психическое здоровье будет находиться в опасности. Хроническая тревога, перемежающаяся депрессиями, попытки самоубийства или успешное самоубийство – вот только некоторые наиболее часто встречающиеся разновидности расстройств, связанных с *потерянным чувством привязанности, с нарушением эмоциональных связей*. Кроме того, длительные и постоянно повторяющиеся разрушения эмоциональной связи мать-ребенок во время первых трех-пяти лет жизни, как известно, особенно часто встречаются у пациентов, впоследствии диагностируемых как *психопатические и социопатические личности*.

Эмоционально нестабильное положение ребенка, лишенного родительской заботы, развивает в нем чувство тревоги и неуверенности в себе, подавляет заинтересованное отношение к миру – так из-за проблем в эмоциональном развитии тормозится и его *интеллектуальное развитие*. Как мы уже отмечали, к необратимым нарушениям в развитии ребенка, в первую очередь в сфере *эмоционально-личностного развития*, приводит *нарушение привязанности*.

¹ Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 6.

² Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 7-8.

Джон Боулби рассматривал привязанность как модель поведения, обеспечивающую достижение и сохранение контактов с близким взрослым, удовлетворяющим потребность ребенка в безопасности. Он считал привязанность своеобразной системой с контролем и обратной связью: ребенок активен в поиске близости со значимой фигурой взрослого, поскольку лишь *установление необходимой близости с ним и удовлетворение потребности в безопасности* открывает возможности для познавательной активности ребенка в исследовании новой ситуации.

Напомним еще раз о том, что *психологическим содержанием роли матери, заботящейся о ребенке, т.е.* важным компонентом материнского ухода является *внимание к сигналам, подаваемым ребенком, и общение с ним, а не сам по себе повседневный уход*. Именно с младенчества закладывается основа детско-родительских отношений, формируется определенный тип чувства привязанности. Можно привести несколько примеров, насколько бывает сложно матери наладить гармоничные отношения с новорожденным.

«У меня 5-месячный ребенок. И он не позволяет мне себя ни положить, ни посадить, ни поиграть не может один более 1 минуты. Я круглосуточно таскаю его на руках, если не придет мама помочь, то я буду голодать весь день, так уже бывало... Живу в хлеву, обратиться нет никакой возможности, он при этом еще практически не спит днем (только в коляске на прогулке). Муж считает, что я отдыхаю целый день (ты же не работаешь!), свекровь – что я не умею хозяйство вести (мы в свое время все без бабушек успевали!), а я просто схожу с ума. Сейчас пишу с ним на коленях, а он орет мне в ухо».

«Мне 34, жене 30, есть жилье, все условия. Решили завести ребенка. Через три месяца попыток – положительный результат. Увидев две полоски, жена словно с катушек слетела. Перестала красить волосы и пользоваться косметикой, одевалась лишь в бесформенную одежду, никакого секса, квартира чуть ли не дезинфицировалась раз в день, слово «беременность» под запретом. Я ее не попрекал, мало ли какие причуды у беременных женщин бывают, думал – пройдет. Сын родился 4 месяца назад с синдромом Дауна. Абсолютно неожиданно, ведь все результаты анализов, которые мне показывала жена, были хорошие. Спустя два месяца после родов она призналась, что синдром выявили еще на ранних стадиях, а позже подтвердили. Она, боясь, что я отправлю ее на аборт, решила от меня все скрыть. Ее доводы: «Я хотела, чтобы у меня был

ребенок, который бы не повзрослел, он всегда будет со мной». Не знаю, что у нее в мозгу перемкнуло, раньше она была адекватным человеком. Люблю сына, ее – уже нет, мысль о предательстве не оставляет. Не знаю, как поступить».

Между тем избирательный характер проявлений привязанности младенца недвусмысленно показывает, что он явно предпочитает тех лиц, которые не просто ухаживают за ним, но *вступают с ним в активное и эмоциональное взаимодействие* — привлекают внимание, ласково разговаривают, улыбаются, играют. Такая модель взаимодействия взрослого и ребенка будет способствовать *формированию и обособленного, и амбивалентно-циклического чувств привязанности*. Наиболее стабильным и надежным чувством привязанности, безусловно, является обособленное чувство привязанности, поскольку именно оно *опирается на духовную силу общения матери с ребенком, на поэтапное развитие способностей ребенка в игре, оно направлено на познание и обучение*.

Действительно, все отношения ребенка с миром в раннем возрасте опосредованы общением и сотрудничеством с взрослым, поэтому характер такого сотрудничества, обуславливающий тип привязанности, решающим образом определяет *открытость ребенка к взаимодействию с миром*. Нарушение эмоциональной связи вследствие, например, *длительной разлуки* ребенка с матерью, объектом его чувства привязанности (запечатленного, обособленного или циклического), особенно в первые годы жизни ребенка, приводит к нарушению, искажению или *задержке его познавательного и эмоционального развития*.

В течение двадцати лет Джон Боулби исследовал взаимосвязь между утратой материнской заботы в ранние годы жизни (от шести месяцев до шести лет) и нарушением в развитии личности. Вот как Боулби описывает поведение ребенка от 15 до 30 месяцев от роду, у которого было достаточно безмятежное взаимоотношение с матерью и который ранее не расставался с ней. Боулби выделяет последовательно четыре фазы, в соответствии с которыми отношение ребенка к матери является преобладающим: *оцепенение, протест, отчаяние и отчуждение*. При разлучении ребенка с матерью сначала *ребенок замирает*, не понимая, как такое могло произойти с ним. Причем ребенок может *просто ждать*, как «камень у дороги». Ребенок может сидеть у окна и постоянно смотреть «в никуда» или следить глазами за дверью в ожидании матери. Однако

очень скоро ребенок со слезами и гневом *требует ее возвращения*. Состояние ребенка на этой фазе может привести к *острой тоске* по объекту привязанности, глубочайшей печали. При этом он надеется, что таким способом ему удастся вернуть мать. Эта вторая фаза *протеста* может длиться от нескольких дней до нескольких недель. Ребенок может отказываться от еды, стать вялым или, наоборот, агрессивным. После этого ребенок опять *как бы затихает*, но совершенно очевидно, что ребенок по-прежнему так же сильно озабочен отсутствием матери и жаждет ее возвращения. Вскоре *надежды на это постепенно гаснут*, увядают и наступает третья фаза – *отчаяние*. Однако со временем происходят более серьезные изменения. Ребенок может *делать вид, что он забыл свою мать*. И когда мать возвращается к ребенку, он может на нее смотреть с любопытством. Может казаться, что *ребенок не узнает свою мать*. Это четвертая фаза – *отчуждение*. И в каждой из этих четырех фаз ребенок может проявлять *вспышки гнева, раздражения, склонность к деструктивному поведению*. «Имеются веские причины, – пишет Боулби, – считать, что такая последовательность ответных реакций на разлуку с матерью – оцепенение, протест, отчаяние и отчуждение – является той последовательностью, которая в том или другом варианте характерна для всех *форм траура*».¹

В ситуации изымания ребенка из кровной семьи и помещения его в детский дом чувство привязанности ребенка к своей кровной маме или папе еще может *сохраняться долгие годы*, особенно при сформированном *запечатленном чувстве привязанности* ребенка к матери, а может быть и серьезно *нарушено, травмировано*. Формы нарушения чувства привязанности могут быть различной интенсивности: *от формы траура, как максимально возможной интенсивности, связанной с разлучением, смертью объекта чувства привязанности, до различной степени истончения эмоциональной связи*. Так, например, сформировавшееся *обособленное чувство привязанности ребенка к матери может сильно истончиться* вследствие прерывания контакта с кровной семьей. Ребенок с *циклическим чувством привязанности может застрять на одном из полюсов своей амбивалентности*: либо он начнет *идеализировать* свои отношения с кровной семьей, отвергая и опровергая ее неблагополучие, оправдывая неблагоприятные поступки своих родителей, либо он

¹ Джон Боулби. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 72-73, 121.

начнет *выражать агрессию*, нападая на своих родителей и обвиняя их во всех грехах. Ребенок с *потерянным чувством привязанности* станет еще более несчастным, так как помещение его в детский дом лишает его надежды на восстановление эмоционального равновесия, связанного с утратой чувства привязанности. Таким образом, ребенок с любимым типом привязанности – запечатленным, обособленным, амбивалентно-циклическим или потерянным помещенный в детский дом и лишенный окружения кровной семьи испытывает сложную гамму чувств, в которой *его потребность в безопасности перекрывается чувством одиночества, обиды, злости, неопределенности*. Как следствие, нарушается не только познавательное развитие, но и в принципе психическое развитие ребенка.

В детском доме ребенок находится в *неопределенном положении*: его ожидание встреч с кровной семьей, надежда на возвращение домой, яростное желание вернуть «все как было» наталкиваются на молчание и пустые обещания со стороны его кровных родителей, лишенных родительских прав. Кого еще может спросить ребенок, попавший в детский дом, о том, как ему быть дальше, что ему делать, если не у тех людей, с которыми он жил с рождения? И какие разъяснения, успокоения, заверения может получить ребенок от мамы и папы, которые нерегулярно навещают своего сына или дочь в детском доме или не навещают вовсе, забывая поздравить рожденного ими ребенка с днем рождения, оставляя его в неведении по поводу дальнейшей судьбы.

Кроме того, что ребенок *не может понять поведение своих кровных родителей*, ребенку также может быть непонятна работа специалистов детского учреждения по поиску вариантов устройства его в замещающую семью. Ребенок, лишенный попечения кровных родителей, может и не принимать внутренне ситуацию *насильственного разрыва*: рациональные объяснения специалистов о небезопасном пребывании в кровной семье и угрозе его жизни могут ему казаться *абсолютной неправдой и выдумкой* только лишь потому, что этот самый *ребенок так жил всегда*. И тогда пребывание ребенка в детском доме будет проходить в соответствии с закономерностью последовательного переживания им четырех фаз траура, которые мы привели выше, но в более усложненном и отягощенном варианте. Все фазы траура могут иметь тяжелейшие последствия для дальнейшей социальной и психической жизни ребенка.

Ребенок, попавший в детский дом, зачастую вовсе не понимает своего положения в *настоящем времени*. Когда у него были мама и папа, у него была *определенная ясность* своего положения в кровной семье. И к своему положению ребенок привык. Если у отнятого ребенка сформировалось *запечатленное чувство привязанности*, то все действия органов опеки он может изначально воспринять как *трагедию, как абсолютную несправедливость судьбы, как жестокость «плохих тетя и дядя», которые пришли навредить его мамочке или папочке*. Никакие аргументы «чужих» взрослых, их ласковые интонации о его «счастливом будущем в светлом и уютном детском доме» не смогут убедить ребенка в позитивном смысле происходящего ради его же блага!

Ребенку с запечатленным чувством привязанности «светит» единственное высшее благо – *жить рядом с объектом его привязанности* по той простой причине, что его привязанность *не зависит от уровня заботы и ухода о нем самом*. Как мы уже отмечали, запечатленная привязанность никак не зависит от уровня удовлетворения родителями его желаний и интересов: ребенок будет терпеть все горести и невзгоды, *если так хочет объект его привязанности*. Такой ребенок не сможет убежать от насильственных ситуаций, он будет воспринимать насилие как *должное*. Доверие ребенка к объекту привязанности тотально: он будет делать то, что ему говорят. А кровные родители будут *открыто пользоваться его доверием*. Родители могут в принципе не обращать на своего ребенка никакого внимания: забывать его кормить, одевать, поддерживать личную гигиену и т.д. В каких бы ужасающих условиях ни жил ребенок, каким бы издевательствам он ни подвергался, *разлука с объектом его привязанности будет восприниматься самим ребенком намного тяжелее и горестнее*.

Пример сохраненного запечатленного чувства привязанности у девочки к родной маме, живущей в приемной семье:

«Взяли с мужем из детдома пятилетнюю девочку, биологическая мать отказалась от неё сама, сделав выбор в пользу выпивки. Отрывочные воспоминания про «маму Лену» у дочки сохранились. И вот как-то раз она спросила почему мама Лена её бросила, она её что, не любит? Я побоялась нанести ребёнку травму и как могла объяснила ей, что, конечно же, любит, просто маме Лене было трудно, она заболела. Маму Лену с тех пор она просто обожествляет. Спрашивает, ког-

да она придёт, рисует ей картинки, открытки, сочиняет про неё сказки, собирает в коробочку конфеты и монетки – тоже для мамы Лены. Постоянно просится пойти в какой-то парк, где они вместе гуляли, надеется встретить её там. Я стараюсь, всё делаю для дочери, но стоит мне попросить её убрать игрушки или потише себя вести, как она начинает кричать, что я плохая, что они с папой (!) уйдут к маме Лене. Муж считает, что со временем это пройдёт. А я плачу ночами, нет сил уже слушать про идеальную маму Лену».

Для ребенка с запечатленным чувством привязанности является естественным сохранение или даже «обожествление» объекта своей привязанности, объекта своего запечатления. Как мы уже отмечали, никакие обстоятельства новой жизни данной девочки в приемной семье при всем старании со стороны приемной матери наладить понимание на основе любви, доверия не смогут нарушить запечатленную любовь. В лучшем случае девочка может соглашаться на определенные условия пребывания в приемной семье благодаря отзывчивости, доброжелательности приемной матери. Но в целом девочка будет стремиться к контакту со своей кровной, биологической матерью, а все попытки приемной матери переключить ее внимание на себя будут восприниматься девочкой как попытки нарушения ее запечатленного чувства привязанности, которое девочка сможет отстаивать всеми известными и доступными для нее в данном возрасте способами.

Однако, когда органами опеки и попечительства установлены многократные факты насилия в семье над ребенком с запечатленным чувством привязанности и единственным выходом из кризиса является лишение родительских прав (возможно, с последующим тюремным заключением одного из родителей или родственников ребенка), то *изъятие ребенка из его кровной семьи должно происходить под контролем психотерапевта*. И дальнейшее сопровождение ребенка перед тем, как подбирать для него приемную семью, должно быть соответствующим. Таким образом, ребенок с запечатленным чувством привязанности должен пройти *определенный курс реабилитации, как ребенок, потерявший своих родителей*. В рамках этого курса ребенок должен пережить *«смерть» объекта своей привязанности*, и только после этого можно специалистам начинать работать с последствиями нанесенных травм как с *жертвой насилия*. Возможно, курс реабилитации ребенка с запечатленным чувством привязанности продлится годы до тех пор, пока данный ребенок будет готов к *следующему «запечатлению»*.

Совершенно по-другому будет происходить процесс изъятия ребенка с *обособленным чувством привязанности* к кровному родителю. Такой ребенок жил так, как *позволяли* ему жить кровные родители, у него был его дом, его друзья, его чувства и мысли... Ребенок знал, что родители о нем заботятся так, как могут. Какой ребенок будет думать, что он проживает в кризисной семье? Разве ребенок может понять, что его родители не выполняют своих родительских обязанностей? Как ребенок может осознать, что его жизни угрожает опасность не только за пределами его дома, но и внутри его семьи? Как может ребенок жить и верить в то, что *угроза его жизни исходит от самых близких* и родных для него взрослых людей, внутри единственного, знакомого ему с раннего детства жизненного уклада, который он воспринимал как должный, к которому привязался, с которым *свыкся* или как говорят, *сроднился*?

Представьте себе ребенка, который способен обвинить своих родителей в том, что они не уделяют ему должного внимания. Представили? И в какой семье живет ребенок, которого Вы сейчас смогли представить? В семье алкоголиков? В семье наркоманов? В семье с даже не средним уровнем достатка? Скорее всего, ребенок, способный защищать свои права, живет в семье с высоким уровнем достатка, и у него есть свои счета со своей семьей и с семейным укладом, связанным с ограничением ребенка в его правах, с неудовлетворением его неконтролируемо возрастающих материальных потребностей. А мы говорим о ребенке из кризисной семьи, который живет в ней естественным образом, не подозревая, что его семья находится под наблюдением и что через определенное время его ожидают перемены – помещение в детский дом и последующее устройство в патронатную или приемную семью.

Конечно, по мере взросления ребенок может *стремиться к переменам* в заведенном родителями семейном укладе. Например, уйти жить к друзьям, убежать из дома, бродяжничать, вести асоциальный образ жизни. Но все эти изменения в подростковом возрасте наблюдаются не только в кризисных семьях. Подрастающие «детки» из различных семей могут вести себя асоциально: не учиться, не работать, приходить домой, когда им вздумается, и также уходить из дома. Неуважение к своим кровным родителям, нарушение чувства привязанности к ним, а следовательно, и безответственное поведение как со стороны самих родителей, так и со стороны детей, подростков приводят

к потере чувства кровной близости, к формированию агрессивных или равнодушных отношений внутри семьи. И если подросток может выражать *открыто свой протест* против ущемления его прав, то ребенок дошкольного или младшего школьного возраста практически еще *зависим* от своих родителей *и не может самостоятельно наладить свою жизнь*.

«Нина жила до пяти лет в кровной семье. Она вспоминает, что все время ходила по соседям, просила еду. Так как всегда была голодная. Соседи кормили ее, чем могли, давали ей еду с собой и старую одежду. У нее самые плохие воспоминания об отце. Отец разбил бутылку, и осколки полетели в Нину. Она попала в больницу, долго лежала там. У нее остались шрамы по всему телу. Старшие дети следили за младшими детьми. Они, как могли, ухаживали за ними. Игрушек в семье не было своих, соседские дети давали им поиграть. Дети очень завидовали соседским детям. После выписки Нины из больницы родителей лишили родительских прав. У нее связь с семьей прервалась».

Случай от Беловой О.В. из Краснодара, участницы пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей», осуществленного «Институтом социальной педагогики» в 2011-2012 годах.

Именно поэтому *редко* ребенок, проживающий в кризисной семье, сам становится *инициатором разрыва со своей кровной семьей*. Чаще возникает *травмирующая ситуация*, как с девочкой Ниной, которая становится «последней каплей в переполненной чаше терпения». Именно травмирующая ситуация или информация о насилии приводит в действие «пусковой механизм», и всем в соседском окружении становится понятно, что пора прибегать к более серьезным мерам: лишению родительских прав нерадивых и опасных родителей.

Может также возникнуть ситуация *некоторого обособления ребенка от своих асоциальных родителей*. Несмотря на все преграды и неблагоприятные обстоятельства, такой ребенок может проявлять интерес и к учебе, и к положительному, здоровому образу жизни. Ребенок может ухаживать за своими пьющими родителями, заботиться о своих братьях или сестрах, сохраняя чувство привязанности и оберегая его от разрушений и травм в результате душевных ран и обид. Обособление ребенка внутри семейного уклада может привести либо к *полному закрытию* ребенка от влияния родителей

и практически сознательному обречению себя на одиночество, либо к *поиску других*, замещающих родителей, взрослых, которые могли бы оказывать определенное положительное или отрицательное воздействие на его жизнь. Например, школьный учитель или близкий друг или подруга, чья семья может в какой-то мере заменить ребенку кровную. Или друг, с которым он будет вместе убежать из дома и бродяжничать, делить кусок сворованного хлеба в соседнем подъезде и распивать пиво.

Давайте постараемся понять, что означает в принципе такое понятие, как «дети улиц», поскольку в различных научных статьях, как правило, данное определение связано с целевыми группами разработки особых предупредительных и коррекционных мер. Очевидно, что к «группе риска» относятся и дети из неблагополучных семей, дети, лишенные заботы родителей. Коллектив ученых Института специальной педагогики и психологии под руководством доктора биологических наук, профессора Л.М.Шипициной и доктора педагогических наук, профессора Е.И. Казаковой предлагают задуматься над тем, что скрывается под понятием дети «группы риска», и начинают научный анализ с определения сферы нашей (научное сообщество, общественность, государственные органы и т.п.) тревоги. За кого мы волнуемся? Речь идет о риске для общества, который создают наркоманы, алкоголики, правонарушители, «дети улицы»? Или о риске, которому ежечасно подвергаются в нашем обществе наименее защищенные его члены? Этот вопрос, как утверждает Л.М. Шипицина и ее коллеги, только на первый взгляд является тривиальным. На самом деле именно здесь лежит водораздел двух принципиально противоположных позиций.¹

Коллективом института в 1999 году было проведено небольшое социально-педагогическое исследование, в сферу которого были вовлечены 162 педагога, которые работали в детских домах Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Участникам исследования было предложено назвать пять наиболее актуальных социально-эмоциональных проблем воспитанников детских домов, в которых данные педагоги работали. Было названо более 40 проблем, две трети которых можно однозначно трактовать как про-

¹ Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / Под науч. ред. Л.М. Шипициной и Е.И. Казаковой. – СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2000. – С. 49.

блемы, которые дети создают для воспитателя, а не как проблемы, которые испытывают сами дети, воспитанники детских домов. Вспомним популярный термин «трудный подросток». Возникает вопрос: трудный для кого? Для педагога? Для родителей? Для ближайшего окружения? Для себя и перспектив своего развития? Сколько еще можно выявить взглядов на одну и ту же проблему?

Множество взглядов и позиций на одну и ту же проблему, безусловно, требует согласования выявленных и определенных подходов в решении проблем детей «группы риска». При этом, речь идет именно о риске для ребенка: риске потери жизни, здоровья, нормальных условий для полноценного развития! В настоящее время определены три основные группы факторов, которые создают вероятностную опасность для ребенка: психофизиологические, социальные и педагогические (как особый вид социальных). К психофизиологическим факторам относятся врожденные нарушения в развитии ребенка, а также те особенности, которые несет в себе тот или иной возрастной период его развития. Наиболее обширными являются педагогические факторы: и детский сад, и школа, и вуз достаточно часто становятся тем пространством, которое разрушительно действует на психику ребенка. Именно педагогический авторитаризм выступает в настоящее время в качестве ведущего деструктивного фактора развития ребенка. Среди трех видов факторов лидируют социальные: разрушение здоровой природной среды, ослабление семейных уз, миграционные процессы, развитие индустрии наркотиков, преобладание материальных потребностей и многое другое.

«Несмотря на влияние множества факторов, существуют примеры того, что человек, казалось самой судьбой обреченный на гибель и деградацию, поднимался к вершинам творческих достижений, как птица Феникс, возрождался из пепла. С одной стороны, опыт показывает, что внутренняя сила, вера и поддержка окружающих помогают детям и подросткам преодолевать врожденные недуги, безответственность родителей, формализм чиновников. С другой стороны, по пальцам можно пересчитать случаи, когда из кризиса (будь то наркотики или преступная среда) подростка, молодого человека удалось бы вытащить вопреки его собственной воле, вопреки его собственным усилиям. Когда мы говорим о детях «группы риска», мы говорим о той группе подрастающего поколения, которая находится под воздействием факторов риска.

Эти факторы риска могут сработать, а могут и не сработать! Именно в этом суть реализации принципов социальной защищенности в системе сопровождения развития ребенка».¹

На наш взгляд, вмешательство органов опеки и попечительства может сыграть позитивную роль в жизни ребенка из кризисной семьи, если его чувство привязанности уже нарушено насилием, грубостью, агрессией и сам ребенок уже не единожды пытался сопротивляться заведенному порядку отношений в семье. При условии, что ребенок *сознательно или подсознательно избегает контактов со своими кровными родителями, обособляется и старается сохранить стремление к другой, нормальной жизни*, то решение органов опеки и суда о лишении родительских прав можно считать *конструктивным и социально значимым*. После принятого решения органы опеки и попечительства должны взять на себя последующее решение организационных и юридических проблем ребенка с его содержанием, проживанием, образованием и воспитанием в другой семье. Но, к сожалению, чаще всего ребенку, оставшемуся без попечения родителей, предлагается промежуточный вариант – помещение его в приют или детский дом, в котором ребенку еще сложнее осознать свое положение, где он еще более зависим от окружающих его незнакомых детей и находящихся там неизвестных взрослых.

«Лишенные родительского попечения дети попадают в систему приютов, детских домов. Далеко не во всех государственных учреждениях подобного типа детей приучают к труду. Это в послевоенные годы у каждого детского дома были свои теплицы, поля, подсобное хозяйство, а дети-воспитанники были приспособлены к самостоятельной жизни, получали рабочие специальности, шли работать на заводы и фабрики, где к каждому из них был прикреплен наставник, опытный рабочий, который и выводил молодого человека в жизнь. Сегодня все совсем наоборот, жизнь в детских домах оторвана от реальной жизни, дети-сироты очень хорошо одеты, накормлены, у них есть карманные деньги (нет, они их не заработали, они им положены по статусу). Велика пропасть между беззаботной жизнью сироты в государственном учреждении и ребенка в родной семье, у которого нет столь защищенного и обе-

¹ Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / Под науч. ред. Л.М. Шипициной и Е.И. Казаковой. – СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2000. – С. 50.

спеченного детства. Выгодно быть сиротой сегодня: только им гарантированы жильё, социальные гарантии, пособия, и, как результат столь неумной политики, подобная система дает обществу выпускников государственных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социально дезадаптированных молодых людей, не приспособленных к самостоятельной жизни, не приученных к труду, не желающих ни работать, ни учиться, с моралью иждивенцев и комплексом «вечно обиженного сироты».

Так пишет участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Есипенко О.В. из Краснодарского края.

Однако если ребенок в своей кровной семье *не обособился*, а напротив всеми силами пытался помогать своим родителям, был с ними в очень теплых, душевных отношениях и, несмотря на свой маленький возраст, по сути был вынужден быстро повзрослеть – *стать главным ответственным взрослым в своей семье*, то решение по изъятию такого ребенка из кризисной семьи может стать *трагедией именно для ребенка*. Поскольку жизнь ребенка в кровной семье обрела *конструктивный смысл*: поддержку и помощь родителям.

И здесь просматривается несколько определенных вариантов. Первый вариант связан с тем, что сформировавшееся *обособленное чувство привязанности соединилось с чувством ответственности, долга* перед объектом привязанности – мамой или папой. Ребенок будет считать себя обязанным «нести бремя своей семьи на себе», а обособленное чувство привязанности *сможет укрепить душевные силы ребенка*, поддерживать его как морально, так и физически.

Как иллюстрацию запечатленного чувства привязанности повзрослевшей девушки к своей некогда бросившей матери можно привести данную историю:

«Я из детдома. Нет, меня взяли приемные родители, и я была самым счастливым ребенком на свете, но, как и все приемные дети, я хотела знать, кто моя мама. И вот недавно, уже будучи совершеннолетней, благодаря знакомому со связями я вышла на нее и решила пообщаться. Я честно рассказала, кто я, и мы... подружились. Теперь мама частенько звонит мне, зовет в кафе. В этом-то и трагедия!!! Она не то что не признает, что я – ее брошенная дочь; она вообще не думает обо мне как о своем ребенке. Я – ее подруга. Она может разбудить меня среди ночи, чтобы позвать в кино «на кле-

вый фильм» или в бар, или к себе, или куда угодно. Она рассказывает мне о своих мужчинах и как-то даже обмолвилась: «До сих пор удивляюсь, как забеременела тобой – я всегда предохранялась». У нее никого нет: ни мужа, ни детей, ни друзей. И она рада этому! Правда, недавно она заявила: «Жаль, что я отказалась от тебя – с тобой весело». Вот так вот. Единственная причина, почему ей жаль... Я так устала. Я не могу быть ей подружкой. Мне становится до слез обидно. Но и отказаться от общения я почему-то не могу... Она ведь меня родила, я столько лет искала её... А маме плевать».

Следует понимать, что только запечатленное чувство привязанности девушки к своей родной матери поддерживало ее постоянный интерес, помогло начать поиски и, в конце концов, найти свою мать, объект запечатления. И даже, несмотря на то, что ее кровная мама сумела достаточно быстро и уверенно сформировать обособленное чувство привязанности на основе совместного проведения веселого досуга с повзрослевшей дочерью, несмотря на то, что найденная мать превратила дочь именно в подругу, не выказав при этом ни чувства вины, стыда за то, что она бросила свою дочку, сама дочь не может прекратить испытывать запечатленное чувство привязанности к матери спустя столько лет. И дочь будет продолжать находиться рядом с матерью, которая, по сути, обрекла ее на страдания в детстве, лишила радости общения с объектом своей привязанности. Дочь будет стараться помочь ей, сделать так, чтобы матери было с ней интересно встречаться, даже, несмотря на то, что дочь не одобряет ее образ жизни и возмущается ролью подруги, которую мать ей навязала.

Второй вариант конструктивного смысла связан, конечно же, с запечатлением. Поскольку *безусловная любовь ребенка к объекту привязанности не может ставиться под сомнение*, настолько сильна вера в своих родителей и в правильность образа их жизни, а также надежда ребенка на то, что только он должен быть рядом со своим объектом запечатленного чувства привязанности, только он сможет спасти или «погибнуть» вместе с ним.

В этих двух вариантах содержится конструктивный смысл чувства привязанности как такового. На наш взгляд, оба варианта отвечают на один-единственный, но очень ценный вопрос: «А зачем это чувство привязанности существует в принципе?» Решению каких задач оно призвано помогать ребенку и его родителям, как не *удержанию кровных уз семьи, рода?* Причем и в горести, и в ра-

дости. Большинству людей становится понятным и осмысленным привязанность, дарующая любовь и уважение детей к родителям, а также родителей к детям. Однако при возникновении напряженности, проблемы большинство людей легко могут отказаться от своих привязанностей. Насколько это этично и нравственно?! И разве не вызывает уважения ребенок, всеми силами старающийся поддерживать своих неблагополучных родителей?! А если это и есть его предназначение, смысл жизни ребенка: спасти или вместе «погибнуть»?! Может быть, необходимо подвергнуть сомнению всю стратегию изымания детей из кризисных семей в якобы благородном порыве их спасения, в стремлении сделать их жизнь безопасной! Возможно, общество неправильно в принципе думает о самих детях, об их силе и значении самого их рождения. Насколько правильным будет решать судьбу таких детей, чье запечатленное или обособленное чувство привязанности ребенка не смогли *разрушить* ни пьянство родителей, ни их безответственное поведение. Наоборот, запечатленное или обособленное чувство привязанности такого ребенка со временем только *окрепнет и обретет невероятную силу и энергию*. Помещение такого ребенка в детский дом *трагично*, так как это решение *обесмысливает все усилия и старания самого ребенка, лишает его жизнь корней*, запечатленной явной или тайной привязанности к своим кровным родителям, которых он готов, несмотря ни на что, оберегать и любить, лишает его возможности конструктивно выполнить задачу, стоящую перед обособленным чувством его привязанности!



Глава 8.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА ПРИВЯЗАННОСТИ У ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА В ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ. ПРОЯВЛЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ ЧУВСТВА ПРИВЯЗАННОСТИ У ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА

Аннотация: В данной главе анализируются особенности формирования чувства привязанности у приемного ребенка к приемным родителям. Особое внимание уделяется изучению природы двойственного отношения приемного ребенка в приемной маме путем сравнения ее с кровной мамой, а также процессу изменения отношения ребенка к приемной семье в целом. Доказывается необходимость формирования чувства привязанности у приемного ребенка к приемным родителям, как условие создания гармоничных детско-родительских отношений в приемной семье, как условие для эффективного воспитания приемного ребенка.

Сложившаяся практика за последние десять лет в России такова, что если изъятый из неблагополучной семьи ребенок не взят на воспитание под опеку родственники кровных родителей, как правило, это бабушки, которые родили и воспитали именно данных безответственных родителей, то такого ребенка помещают в детский дом. А дальше в зависимости от юридических обстоятельств следует кропотливый процесс поиска для него либо патро-

натной семьи (если кровные родители еще не лишены родительских прав или по причине невыясненного юридического статуса данного изъяттого ребенка), либо достойной замещающей, приемной семьи или семьи усыновителей. *Исследував конструктивные и деструктивные смыслы процесса изъятия ребенка из кризисной семьи* в предыдущей главе, мы вернемся к началу, к тому не вызывающему сомнений факту, что ребенок должен жить и воспитываться в семье и что в любом случае *изъятому ребенку будет лучше в «чужой» семье, нежели в детском доме или интернате*. Поскольку и у самого ребенка, и у приемной семьи есть все шансы на то, что их совместная жизнь *позволит им сформировать определенную эмоциональную теплоту отношений, привязаться, социально сродниться друг с другом*. И шансы эти достаточно велики, хотя и не абсолютны. Потому что ребенок не может просто так забыть все, что было с ним в его кровной семье, и начать жить с самого начала. Потому что не каждый ребенок изначально хотел, чтобы у него отняли его родных родителей. Потому что не каждый изъятый из кровной семьи ребенок может поменять объект своего чувства привязанности и не понять, почему он должен полюбить «новую тетю», если он любит и всегда любил только свою маму. Потому что у каждого ребенка существуют свои привычные реакции, сформированные в кровной семье, свои страхи и свои тревоги, которые обязательно найдут свои формы проявления и в новой, приемной семье.

Типичные примеры трудностей с формированием чувства привязанности у приемного ребенка к своим новым приемным родителям из-за двойственной природы этого чувства приводит участник пилотного проекта «Профессиональная Школа родителей» Федорова Ольга Васильевна из Екатеринбурга:

«Как руководитель учреждения с опытом работы с приемными родителями сталкивалась с разными трудностями привыкания приемных детей в новой семье.

Света С. боялась идти в новую семью, так как была уверена, что от нее отказалась родная мама, потому что она «плохая». Эти страхи она перенесла и в будущую семью. Каждый раз Света провоцировала новых родителей на то, чтобы ее вернули в детский дом, чтобы еще раз подтвердить ее «ненужность». Родителям в течение года пришлось доказывать, что они ее любят. На первой встрече Света держалась настороженно, и будущие родители подумали, что они ей не понравились. По их рассказам, у них было ощущение

страха: «А вдруг она нас не выберет?» Когда взрослые ушли, Света в течение вечера несколько раз подбегала к взрослым и спрашивала: «А они еще придут? А они не забудут?» И с нетерпением ждала следующей встречи.

Таня очень долго боялась, что ее будет бить папа, так как в прошлой жизни ее неоднократно наказывал отчим. Каждый раз, когда приемный отец подходил поговорить, Таня сжималась от страха. И только через два года Таню отпустил страх. Теперь папа для нее «свет в окошке», и все свободное время они стараются проводить вместе.

Сереза (12 лет) очень боялся, что новые родители будут любить его меньше, чем свою дочь Лизу. Сереза старался постоянно обидеть маленькую девочку, но сделать это незаметно. Он хотел все внимание родителей.

У Тани проявление речевого регресса было связано со звонками биологической мамы. После них Таня вела себя совершенно неадекватно: отказывалась нормально говорить, брала в руки куклу и била ее».

На наш взгляд, формирование чувства привязанности приемного ребенка к новым для него взрослым людям, его приемным родителям, с одной стороны, и формирование чувства привязанности приемных родителей к новому для них ребенку с другой стороны, являются одним из основных процессов, от которого зависит успешная адаптация ребенка, лишённого родительской заботы, к приемной семье. И поскольку процесс формирования чувства привязанности является очень эмоционально насыщенным процессом, именно в нем приемные родители должны быть профессионально компетентными. Во-первых, приемные или патронатные родители являются профессиональными родителями, получающими за свой родительский труд заработную плату. Во-вторых, знания и опыт родителей при воспитании собственных детей, как правило, бывает недостаточен или неприемлем, поскольку приемный ребенок сильно отличается от «домашних» детей, никогда не терявших своих родителей, а любое сравнение родных и приемных детей только затрудняет процесс формирования чувства привязанности. В-третьих, на приемных родителей в буквальном смысле давит груз эмоциональной, социальной и психологической ответственности, поскольку они взяли на себя такие обязанности, с которыми в своей родительской жизни еще

не встречались и которые не выполняли. Если воспитание и развитие кровных детей в благополучной семье происходит естественно и гармонично, со своими трудностями и радостями, то воспитание и развитие приемного ребенка, взятого из детского дома, наталкивается на непонимание многослойности самого понятия «неблагополучие», таящегося в опыте самого ребенка, оставшегося без попечения кровных родителей.

Казалось бы, ребенок и есть ребенок, маленький человек со своими потребностями, нуждающийся в любви, ласке, заботе. Что еще может дать родитель ребенку, если не любовь и заботу, безопасность и комфорт. Приемные родители обеспечивают своего приемного ребенка и отдельной комнатой, и хорошими, добротными условиями проживания, питания, покупают ему вещи, школьные принадлежности, игры и все то, чего так хотят получить детишки. И вроде все должно получиться... Вот только откуда такой высокий процент возврата приемных детей?

«С проблемами приемной семьи я столкнулась по работе (я работаю в реабилитационном центре специалистом по социальной работе). За последние два года стало очень много возвращений детей из приемных семей. Органы опеки и попечительства выдают постановления о прекращении действия приемной семьи, где просто пишут «нет взаимопонимания с подопечным», а ведь за этими сухими словами судьбы детей, и нет ничего горше видеть глаза этих дважды брошенных детей. Я не могу понять, что двигало этими людьми, когда они брали детей в свои семьи. Несколько детей вернули в подростковом возрасте (когда начались возрастные проблемы), а ведь мы своих родных детей не бросаем и с трудностями боремся вместе.

Совсем недавно привезли мальчика 9 лет. Сначала мальчик был в другом реабилитационном центре (пока шел процесс по лишению родительских прав его матери), затем ребенок попал в детский дом, а потом «добрые» дядя с тетей взяли мальчика в семью. В приемной семье ребенок пробыл три месяца, а потом от него отказались. Мальчик называет до сих пор их мама и папа. Как объяснить 9-летнему ребенку всю эту ситуацию?»

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Тлекова Р.К., Астрахань.

Столь высокий процент возвращения детей из приемных и опекунских семей зачастую обусловлен трудностями в процессе формирования чувства привязанности как самого ребенка к но-

вым родителям, так и самих приемных родителей к приемному ребенку, особенно если он достаточно долго прожил в Доме ребенка или детском доме, где чувство привязанности подвергалось разрушительным действиям как со стороны кровной семьи, так и со стороны воспитателей и воспитанников.

Вот как пишет в своем дневнике приемная мама пятерых детей из детского дома Е.А. Грошева:

«Один раз на пляже мы встретили воспитателей из Дома ребенка, и Галя (приемная дочь 3 лет. – Прим. автора) с готовностью побежала купаться с ними. Так, что они даже стали меня утешать: «Скоро всех забудет и ни к кому не подойдет!» Если бы дело было только в «забудет»... По-моему, цепочка: Дом ребенка – детский дом – школа-интернат – словно нарочно создана для отлучения от привязанностей. Не успеешь привыкнуть к воспитательнице, к подруге – разлучат безжалостно. Да и привыкнуть трудно, если сейчас в одной группе Дома ребенка работают более десяти сотрудников, а ведь они еще, бывает, болеют, увольняются, приходят замены из других групп. Да еще изоляторы, больницы... В результате все взрослые на одно лицо, и все – «мамы». Галя и Колю (приемный отец. – Прим. автора) «мамой» называет. Но никаких особых чувств дети в это слово уже не вкладывают. Любви им еще надо учиться, и не так-то просто будет завоевать ее. Конечно, Гале лучше дома, но, думаю, ей пока все равно, кто ее обслуживает. И ласкается она не ко мне, а «об меня»».¹

Намерение приемных родителей создать благоприятную воспитательную среду для выстраивания открытых, теплых, доверительных отношений в семье является важной задачей, стоящей перед всеми без исключения членами приемной семьи и их ближайшего окружения – друзей и родственников. Выполнение этой задачи ложится в первую очередь на плечи приемной мамы. Именно от ее профессиональной компетентности не только в вопросах педагогики и воспитания, но и в глубоком социально-психологическом понимании своих чувств и эмоций зависит уровень и качество выстраиваемых в приемной семье детско-родительских отношений. Приемной маме приходится проявлять не только выдержку и невероятное терпение, но и постоянно работать над собственными обидами, душевными ранами, тревогами и беспокойствами, справляться с психологически напряженными и конфликтными ситуациями.

¹ Грошева Е.А. Будем родными! Из дневника родителя-воспитателя приемной семьи. – М.: Дом. Проблемы детства: наука и практика, 1993. – С. 7-8.

Безусловно, формирование устойчивого чувства привязанности приемного ребенка к своей приемной маме, как и процесс признания в любви, опирается на искренность и открытость чувств. Ведь как бывает непросто высказать слова любви, такие как: «Я люблю тебя, доченька!», вкладывая в них всю свою материнскую сердечность и нежность. Но еще сложнее продолжать ежедневно говорить приемному ребенку о своей любви даже в ситуации, когда сам ребенок еще смотрит из-под нахмуренных бровей и надувает губы, когда он не готов ответить взаимной нежностью на ласку приемной матери, а только и норовит увернуться от нее, спрятаться, убежать. Или, наоборот, приемный ребенок требует слов любви чуть ли не каждую минуту да еще устраивает утомительные проверки на каждом шагу! И как в такой ситуации не поддаться раздражению и злости на себя, на ребенка, когда вереница домашних дел не дает ни времени, ни сил четко и ясно осознать и проанализировать ту или иную «проверку на дорогах». Доверие и эмоциональная близость между приемным ребенком и приемными родителями – результат поступательного и, естественно, двухстороннего движения навстречу друг другу, и не по укатанной и наезженной колее, а по нехоженой и полной неожиданностей тропе.

Во многом психологическое состояние ребенка, оставшегося без попечения кровных родителей, зависит от типа сформированного у него чувства привязанности. Мы уже отмечали, если у ребенка сформировано запечатленное чувство привязанности, то, изъятый из кровной семьи и помещенный в приемную семью, он будет испытывать настоящую боль и тоску, переживать настоящую трагедию, как в результате смерти своих родителей. Запечатленное чувство привязанности к кровной маме или отцу будет являться *серьезным препятствием* для формирования нового чувства привязанности к приемным родителям, и не исключен вариант того, что ребенок будет всеми силами стараться вернуться в детский дом, так как он будет надеяться на то, что его кровные родители обязательно его заберут из того места, куда его насильно поместили. Детский дом будет для ребенка с запечатленным чувством привязанности символизировать именно связь с кровными родителями. Это как «место встречи, которое изменить нельзя». Ребенок может серьезно думать, что если его привезли в это место – детский дом, то те люди, которым он верит и будет верить, несмотря ни на что, заберут его именно оттуда. Запечатленное чувство привязанности наделяет

такого ребенка невероятной силой верить и надеяться на то, что в скором времени все вернется на свои места, что будет так, как было раньше и что он (ребенок) воссоединится со своим объектом запечатленного чувства привязанности. Если кровные родители испытывают хотя бы малую толику той любви, которую испытывает к ним их ребенок, то они действительно могут вернуть себе ребенка: каждая женщина или мужчина, лишенные родительских прав, имеют юридическое право через суд восстановить свои родительские права, наладив свою личную и профессиональную жизнь ответственного взрослого человека. Если бы родители знали, что их ребенок, находясь в детском доме, ждет их, верит в них, надеется на то, что рано или поздно за ним придут его любимые родители, они бы могли найти в себе силы для того, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. Очень важно, чтобы специалисты детского дома могли грамотно донести до кровных родителей состояние изъятых из их семьи ребенка, испытывающего муки запечатления, от которых отказаться не в силах ни один человек!

Ребенку с запечатленным чувством привязанности, помещенному в детский дом, могут быть непонятными требования устанавливать какие-то новые связи и контакты с новыми, такими же брошенными и также упорно переживающими свое неопределенное положение детьми, незнакомыми взрослыми, которых, оказывается, необходимо слушаться и выполнять их требования в то время, как все внутренние переживания ребенка направлены *на «спасение» своего чувства привязанности к кровной семье.*

Даже в приемной семье ребенок с запечатленным чувством привязанности к кровной маме не может «переориентировать» свои чувства: вместо того, чтобы привыкнуть к новым условиям жизни, сблизиться со своими приемными родителями, подружиться со своими названными братьями или сестрами, ребенок будет думать о своей кровной маме, объекте запечатления, думать о том, как ему было бы хорошо с ней в этой ухоженной квартире, в этом замечательном доме, с этими хорошими людьми! И такой образ мыслей ребенка никак не сможет соответствовать чаяниям и устремлениям приемных родителей, которые будут стараться полюбить своего приемного ребенка, обеспечить его всем необходимым, вести душевные разговоры и заниматься с ним, преодолевать и трудности школьного обучения, и трудности социальной дезадаптации.

«Никаким образом дети не хотят вернуться в прошлую жизнь. Домашний ребёнок скучает по маме, но не по дому. Он мечтает забрать маму к нам домой. Он готов с ней разделить свою комнату и научить её всему, чему сам научился».

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Давиденко И.Б., Краснодарский край, станция Новоулешковская.

Самой оптимальной стратегией профессиональной помощи ребенку с запечатленным чувством привязанности является стратегия воздействия на объект данного чувства – на его кровную семью. Необходимо вести переговоры, конструктивно решать проблемы с лечением от алкоголизма, помогать с последующим трудоустройством его кровных родителей. И все это время обязательно держать связь между ребенком и кровной семьей! Чтобы родители помнили, знали и чувствовали, как их ждут, как в них верят. Возможно, этот ребенок – единственный человек в мире, который их любит и может спасти своей любовью. А взрослые родители могут поверить своему ребенку и постараться «взять в свои руки ответственность за свою жизнь». Семья может восстановиться потому, что есть ребенок, который этого желает больше всего на свете! И ему есть ради чего жить и верить...

Однако если ребенок с запечатленным чувством привязанности попадает в приемную семью, а не в патронатную, профессиональную, то может возникнуть ситуация несовпадения интересов. Приемные родители будут стараться сблизиться со своим приемным ребенком, подружиться, построить отношения на основе эмоциональной теплоты, полюбить его. А ребенок не сможет ответить им взаимностью и постоянно будет им об этом говорить, демонстрировать свое отчуждение. У приемного ребенка, испытывающего запечатленное чувство привязанности к кровной матери, может вызывать негативизм ласковое обращение с ним приемной матери, проявление ее нежности, чувственности. Усилия приемных родителей будут сталкиваться с упорством и недоброжелательством приемного ребенка, всеми силами мечтающего выбраться из данной семьи и вернуться к объекту своего запечатления – к кровной матери. В таком случае приемная семья будет страдать, а ужесточение отношений также не приведет к тому, чтобы сблизиться с приемным ребенком.

Прогноз на возвращение в детский дом ребенка с запечатленным чувством привязанности является нормальным, если не сказать неизбежным результатом ошибочного помещения такого ребенка в приемную семью еще на этапе диагностики и устройства. Грамотным с психологической точки зрения является подход, когда семья подбирается к ребенку, а не ребенок – к приемной семье. Необходима достаточно глубокая диагностика состояния чувства привязанности ребенка, оставшегося без попечения родителей. И если ребенок до сих пор испытывает любовь к своей кровной матери, самым эффективным, как мы уже отмечали, будет временное помещение ребенка в профессиональную патронатную семью, которая не ставит перед собой задачи полюбить ребенка, как своего родного, сблизиться с ним душевно. В патронатной семье преобладает чисто деловой подход: профессионально помочь ребенку с учебой, наладить самообслуживание, научить его общаться с другими детьми, решить медицинские проблемы, связанные с его здоровьем, помочь найти дополнительные интересы, увлечения, развивать способности. Если у патронатных родителей формируется крепкая, устойчивая обособленная связь, обособленное чувство привязанности, то в таком случае патронатная семья может усыновить ребенка, без которого их жизнь станет невыносимой, а чувство привязанности перевесит деловой подход. Но такая ситуация исключена, если их ребенок, которого они взяли на патронат, испытывает запечатленное чувство привязанности к кровной матери. И поскольку по условиям возмездного договора на патронатное воспитание данный ребенок помещен в патронатную семью временно, их задачей является подготовка ребенка к возвращению его в кровную семью. Необходимо сделать все возможное, как мы отмечали, чтобы кровная семья прошла курс реабилитации и была готова к воссоединению.

Если *запечатленное чувство привязанности не подвергается внешним воздействиям* и может остаться в памяти ребенка навсегда «открытой раной», то *обособленное и амбивалентно-циклическое чувства привязанности вполне могут быть подвластны «переадресации»*. Так, под воздействием определенного времени ребенок *теряет веру на «спасение»* своего чувства привязанности: встречи с кровной семьей становятся редкими, непостоянными, а то и вовсе прекращаются. Взрослые воспитатели из детского дома начинают объяснять ребенку, что все в его жизни когда-нибудь наладится, что у него обязательно будет новая семья, которая в

отличие от его настоящих, кровных родителей будет его любить и заботиться о нем и что «родители – это не те, кто родил тебя, а те, кто воспитал».

В таком случае у ребенка начинается *период символической готовности к новому чувству привязанности*: «Ну, где же они, мои новые родители?» Именно в этот период алертности ребенок готов каждого взрослого рассматривать как кандидата на *«социальное родство»*, считать его достойным или недостойным своего нового чувства привязанности. «Примеривание», «приклеивание», «присоединение», «прилаживание» своего чувства привязанности к воспитателям и воспитанникам детского дома происходит *подсознательно*, зачастую импульсивно, под лозунгом «впустите хоть кто-нибудь погреться или просто посидеть рядом». Ребенку, изъятому из кровной семьи и помещенному в детский дом, необходимо знать, что он не один в этом непонятном детдомовском мире, знать наверняка, *знать внутренне*. И то обстоятельство, что вокруг него огромное количество детей и взрослых, воспитанников и воспитателей, *не является прямой гарантией* того, что ребенок *будет уверен в том, что он не один!* Можно считать большой удачей, если ребенок в детском доме сможет наладить дружественные отношения хотя бы с кем-нибудь из воспитанников и привязаться хотя бы к одной воспитательнице, уборщице, поварихе, директору – *любому, кто ответит* на его «приклеивание», «прилаживание», «примеривание» *взаимностью*.

«В нашей семье тоже воспитывается девочка. Взяли мы ее в 6 лет, и тоже не выбирали, просто среди детей, которых привели причащать в храм, одна оказалась некрещеной. Я подвернулась под руку священнику и неожиданно для себя стала ее крестной. Мы брали ее в семью на праздники, выходные. О том, чтобы взять ее насовсем, не было и речи. Я по возрасту ровесница ее ныне здравствующей бабушке, да и у нас уже и силы и здоровье были не те, чтобы начинать все сначала – свои старшие дети уже выросли, появились внуки, а младшие дети еще ходили в школу, в общем, и так было нелегко.

Тут мы неожиданно узнаем, что ее забирают в Америку, к какой-то старушке, содержащей большую ферму жирафов. Деньги уже уплачены, нас даже не предупредили. Пришлось подключать общественность, газеты, телевидение, так у нас появилась еще одна дочь.

Я общалась с девочкой строго, не поддавалась на ее правила игры. Она, кстати, зовет меня крестной. Мы постоянно ходим с ней в

храм, и когда она подросла, мы много говорили о ее родственниках, о маме. Она даже задавала вопрос, почему в других семьях приемные дети называют родителей мама и папа, а она зовет нас «крестные»? Мы договорились не осуждать маму, мама у человека одна, наоборот, надо молиться за нее, ведь кто же еще за нее помолится. А крестная это тоже мама, и одна другую не заменяет.

По мере того, как девочка подрастала, все конфликты разрешались через исповедь. Однажды мне пришлось сказать ей очень серьезно, что она может меня не любить, но ведь мы связаны так, что либо вместе спасемся, либо вместе погибнем. Она понимала, о чем речь, мы с ней часто говорили об ответственности крестных. Я по опыту общения со своими детьми поняла, что дети намного разумнее, чем мы о них думаем, и если разговаривать с ними серьезно, они все понимают, откликаются и перестают играть в малышей.

Был у нас такой случай. Моя крестница после детского дома была вся в аллергической экземе. Мы старались придерживаться диеты, и ей стало лучше. Однажды, убираясь в ее комнате, я нашла кучу фантиков от конфет. Вызвала воришку на ковер. Она пыталась на ходу сочинить, что коллекционирует фантики. Появился повод поговорить о доверии, что не жалко конфет, что даже не так страшны болельники, а вот то, что я не смогу доверять ей теперь – вот что страшно и очень обидно. Ведь в семье невозможно жить, не доверяя друг другу, и она променяла доверие к себе на какие-то конфеты. Дочка заплакала. Надо сказать, что после детского дома она не плакала, а когда ее ругали, даже улыбалась, казалось, что ей важно любое внимание, пусть даже ругают, это лучше, чем не обращают внимание.

Конечно, привыкание к новой семье проходило нелегко. С нами жили бабушка и младшие дети: дочка 15 лет и сын 11 лет. Дети быстро подружились, но не на равных. Все пытались помочь нам в воспитании. Девочка была подвижная, непослушная, ко всем приставала, задиралась, надоедала, но это быстро прошло, мы даже сами не заметили, когда стало легче. Бывали и недоразумения. Она не сразу привыкла к тому, что надо беречь вещи, иногда их специально портила и говорила, что можно на складе у тети Маши заменить».

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Смирнова из Ярославля.

Чаще всего ребенок из детского дома привыкает воспринимать каждого взрослого человека как потенциального «кандидата на его чувство привязанности». Такая привычка «приклеивания»

какое-то время сохраняется и после того, как ребенок обретает приемную семью. Его непомерно расширенное за счет неоправданных ожиданий и пустых обещаний чувство привязанности *не может сознательно остановиться* на приемных родителях, и ребенок *подсознательно продолжает «заигрывать»* со всеми взрослыми людьми – друзьями, родственниками и просто знакомыми приемных родителей. Безусловно, приемным родителям трудно бывает *принять* такую манеру поведения, поскольку им действительно сложно прочувствовать всю безграничную потребность их приемного ребенка во всемогущем взрослом, который моментально решит все проблемы и *возьмет на себя всю ответственность за его жизнь!* А то, что привыкание к новой семье – это длительный и упорный процесс обоюдного и *поступательного изменения* как внутренних ощущений от жизни, так и внешних обстоятельств самого существования ребенка в приемной семье, ребенок понять осознанно и воистину глубоко *не в состоянии*.

«Когда мы взяли в свою семью приемную дочку, она часто вспоминала, как хорошо ей было с папой и бабушкой. О маме она всегда отзывалась нелестно. Особенно нам тяжело было по той причине, что ребенок проживал до лишения родителей родительских прав в нашей деревне. Первый год-два я боялась, что дочка будет сбегать домой или встречаться с родными. Но у нас все обошлось без кризисов с этой стороны. Наша привязанность стала намного больше, но встречи с родными иногда происходили, хотя и на нейтральной территории (в школе). И здесь произошло нарушение привязанности к родным. Да, она их помнит и даже, несмотря ни на что, любит, но тяги к ним вернуться уже нет давно».

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Дадыка Е.В. из Краснодарского края, станица Новоулетковская.

Данный пример подтверждает тот факт, что ребенок, помещенный в приемную семью, какое-то время живет и помнит свою кровную семью, испытывает определенную симпатию к месту проживания, к своим друзьям. Его прошлая жизнь живет в ребенке в воспоминаниях, в его личной истории отношений с родителями, с друзьями родителей, он хорошо помнит обстановку, может рассказать подробно, какой предмет мебели и где стоял. Ребенок с обособленным чувством привязанности может с удовольствием вспоминать, как он с мамой ходил на реку и как они возвращались

с огромным букетом полевых цветов и как мама рассказывала о том, как она была маленькой девочкой и любила собирать ромашки, нюхать их желтую сердцевинку, которая окрашивает нос пыльцой. Обособленное чувство привязанности благодаря своей избирательной природе будет напоминать ребенку только хорошие воспоминания, пропуская, утаивая все горькие обиды, ранившие ребенка в самое сердце. Ребенок, испытывающий обособленное чувство привязанности к кровной матери, будет помнить только хорошее, а приемные родители будут поражаться его любви к матери, которая была и терзала его, морила голодом. Приемным родителям будет казаться кощунственным сохранение чувства привязанности их приемного ребенка к кровной матери, поскольку они ошибочно предполагают, что нельзя любить человека, который сделал столько плохого и мерзкого. Это ошибочное суждение основано на непонимании природы обособленного чувства привязанности ребенка к кровной матери, которая, несмотря на свой порочный, асоциальный образ жизни, смогла дать ребенку нечто более ценное, чем завтрак на столе каждое утро, смогла передать своему ребенку сердечное отношение к чему-то (цветы, река, лес,) или кому-то (рано ушедшему из жизни дедушки). Ребенок, помещенный в приемную семью, может хранить в своей памяти образ смеющейся, молодой, красивой кровной матери, и ему совершенно не важно, что она алкоголик и нигде не работает. Ребенок с обособленным чувством привязанности может любить свою кровную маму только в рамках тех особенных, уникальных отношений, которые они смогли создать вдвоем, на двоих – мама и ребенок. Это не значит, что приемный ребенок не помнит нанесенных матерью обид, душевных ран. Это не значит, что приемный ребенок будет настаивать на том, чтобы его вернули в кровную семью, как ребенок с запечатленным чувством привязанности. Это значит, что приемной семье нужно научиться в принципе уважать те особые отношения их ребенка с кровной матерью, нужно научиться понимать, что именно легло в основу подобных отношений, в чем была уникальность их общения, контакта. Это нужно для того, чтобы создать условия для формирования обособленного чувства привязанности их приемного ребенка к себе: приемной маме или папе. Если это удастся воссоздать, то какое-то время приемный ребенок будет испытывать двойственное отношение к объекту своей привязанности за счет не буквального, формального повторения ситуации контакта, а за счет морального удовлетворения от сложившегося особенного качества отношений. Это может ребенку напоминать

ситуацию дежавю, он может думать: «У меня так уже было, я уже так радовался!!!» Если усилия приемных родителей будут направлены на поддержание качества сложившихся особенных отношений, то через какое-то время наслоившиеся друг на друга объекты привязанности – например, кровная мать и приемная мать – отделятся друг от друга и станут самостоятельными объектами привязанности приемного ребенка. Двойственная природа обособленного чувства привязанности позволяет ребенку выделять похожие по ценности и качеству контакты и воссоздавать их (переносить) в других ситуациях общения. Именно поэтому у одного и того же ребенка может формироваться несколько обособленных чувств привязанности. Это не просто несколько объектов одной и той же привязанности. Это несколько обособленных чувств привязанности со своими похожими образами взаимодействия, общения, уникальности, основанными на взаимной симпатии, взаимном интересе. И приемная семья, в которую помещен ребенок с обособленным чувством привязанности, при желании и умении может создать условия для формирования у их приемного ребенка еще одного обособленного чувства привязанности – к ним. Но это возможно при личном, эмоционально включенном подходе к воспитанию приемного ребенка. Деловой подход имеет меньше возможностей для формирования обособленного чувства привязанности приемного ребенка к приемным родителям. Как правило, деловой подход стратегически важен в подростковом возрасте, когда приемные родители представляют интерес в профессиональном плане. Например, семья программистов будет интересна подростку, увлекающемуся компьютерными технологиями, и чисто деловой подход, не основанный на обязательном душевном сближении (что в подростковом возрасте в принципе сомнительно создать), сможет установить такие особые отношения, в результате которых приемный подросток сможет уважать своих приемных родителей за профессионализм и за то, что они создают для него среду для профессионального саморазвития и самоопределения.

Однако в детском доме с ребенком может произойти худшее – его чувство привязанности к кровной семье *волевым образом оборвется или потеряется (мы называем это потерянным чувством привязанности)*. Внутренний мыслительный процесс ребенка пойдет по другому сценарию и под другим лозунгом: «Мне никто не нужен, раз меня бросили!» Ребенок с такой установкой будет язвительно и очень болезненно отвергать все попытки наладить с ним

дружественные контакты. Поведение ребенка в детском доме будет крайне нестабильным: от агрессивного физического отстаивания своего права на принятое им на себя *одиночество* до сломленного, молчаливого, *жертвенного отказа* от своих интересов, потребностей, увлечений. *Бунт* с одной стороны и *монашеское смирение* с другой стороны будут создавать условия, *препятствующие формированию осознанного чувства привязанности* ребенка как ко взрослым, так и к детям. Если у истоков отказа от чувства привязанности у ребенка лежит *затаившаяся обида* на кровную семью, которая подсознательно, неконтролируемо со стороны ребенка распространилась на всех людей, то приемной семье, взявшей на воспитание ребенка с такой внутренней установкой, испытывающего потерянное чувство привязанности, будет сложно *преодолеть волевое усилие* ребенка никого и никогда не любить! Возможно, что именно такой приемной семье необходима в первую очередь помощь специалистов *по созданию новых условий* для формирования нового чувства привязанности, *восстановления доверительных отношений* ко взрослым и детям, и, возможно, необходимо будет запланировать проведение психоаналитических бесед методом свободных ассоциаций или же психотерапевтических занятий по снятию комплексов обиды методами арт-терапии.

Вот что пишет Е.А. Грошева в своем дневнике родителя-воспитателя приемной семьи «Будем родными!» о необходимости формирования чувства привязанности ребенка к приемным родителям как возможность вернуть ребенку способность любить:

«Я разговаривала с женщиной, усыновившей малыша из нашего Дома ребенка. Она одинока, сидеть с сыном дома не может, поэтому сразу отдала его в детский сад. «Будет расти, как все», – объясняет она, конечно, самоотверженная женщина, не понимая, что малышу, хлебнувшему «ничейности», нельзя расти, «как все». Конечно, в ее доме ему будет лучше, чем в Доме ребенка, конечно, она даст ему больше, чем все государственные учреждения опеки, через которые ему предназначалось пройти. Но если он уже сейчас не почувствует маму своим собственным продолжением, только более сильным, более мудрым, всегда несущим добро и радость, своей защитой – к нему не вернется способность любить, убитая в казенных воспитательных заведениях. Детский сад продолжает ее затаптывание – даже если воспитатели будут замечательные и материальное обеспечение выше всяких похвал. Ведь там ребенок только гость, пришедший на время, его и любят, и отвечают за него тоже временно, не по-на-

стоящему – дети это прекрасно понимают. А душа, не научившаяся любить другого человека, обращается на самое себя, будет расти обыкновенный эгоист. Эгоцентризм – вовсе не обязательно результат избалованности, он может взойти и на лишениях. Суть его – неумение любить. А без этого – основного начала человеческой нравственности – любое воспитание будет лишь формой, под оболочкой воспитанности сохранится примитивная животная сущность («А чего моей левой ногой хочется?»).

Я думаю, что возвращать умение любить брошенному ребенку надо, как с младенцами, с постоянной физической близости, чтобы успеть успокоить, утешить, укрыть, согреть, объяснить, защитить, накормить...»¹

Пример Е.А. Грошевой показывает, насколько важно с самого первого момента физически быть рядом с ребенком, а не возлагать надежды на посторонние детские организации, занимающиеся профессионально воспитанием детей. Необходимо понимать, что приемный ребенок должен почувствовать теплоту по отношению лично к нему других людей, увериться в том, что он испытывает эмоциональную близость и доверие к своим приемным родителям, а это формируется только в непосредственном контакте с ребенком, с ежедневными совместными проживаниями различных по эмоциональному содержанию и насыщению ситуаций дома, во дворе, в поликлинике, в гостях, в транспорте, в лесу, у речки и т.п. И, конечно, чем младше ребенок, тем меньше в его жизни негативного опыта нарушения чувства привязанности его к матери и тем легче приемной семье восстановить душевное равновесие и жизненную гармонию маленького человечка. Но чем больше брошенный ребенок провел времени в детском доме, тем сложнее ему поверить в возможность формирования нового чувства привязанности. По этой причине считается, что брошенного подростка устраивать в приемную семью достаточно рискованно, так как слишком много трудностей будет возникать в процессе восстановления потерянного, нарушенного чувства привязанности в приемной семье.

Многие приемные семьи берут младенцев в Доме ребенка, считая это более гармоничным для формирования и своего чувства привязанности к малышу, и чувства привязанности самого младенца к своим маме и папе.

¹ Грошева Е.А. Будем родными! Из дневника родителя-воспитателя приемной семьи. – М.: Дом. Проблемы детства: наука и практика, 1993. – С. 19–20.

Участник проекта «Профессиональная Школа родителей» приемная мама двоих детей Радославлевич Ольга Геннадьевна из подмосковного города Орехово-Зуево так описывает свой личный опыт формирования чувства привязанности к малышам:

«С региональным оператором познакомилась заочно по телефону и о приезде сообщила заранее. Ирина Анатольевна знала, за кем я еду, но всё равно предложила посмотреть ещё фото, я не отказалась. Но, честно говоря, глядя на фото малышей, определиться тяжело. Так что решила посмотреть на Вову, который был из того же Дома Ребенка, что и Вера. Когда мне выдали направления на знакомство с двумя малышами, быстрее поехала в Дом ребенка.

Верочка оказалась ещё меньше, чем я ожидала. Воспитатели отнеслись ко мне с осторожностью, Веру несколько раз смотрели и не возвращались. А Верусе я понравилась, и она со мной немного погуляла. Потом пошла знакомиться с Вовой. Он не выражал почти никаких эмоций, улыбнулся пару раз, когда его подкидывала в воздух.

Решила, что беру обоих, и пошла подписывать согласие.

Дома, пока ждала малышей, разобралась с диагнозами. Вову отдали через полтора месяца, а за Веру пришлось бороться, и её отдали только через 8 месяцев.

Полюбить ребенка с первого раза невозможно. Предположим, понравится малыш на фото, но часто при встрече мы видим совершенно другого ребенка. А когда привозим домой – это опять чуть-чуть другой человек, чем мы встретили в ДР, и нужно преодолеть эти непонятные чувства и принять его таким, какой он есть.

Я всегда сравниваю своё ощущение с тем, как будто это соседский ребенок, которого я видела всего несколько раз. И когда он появился у меня дома, я не представляю, что он умеет делать, что он любит, как он засыпает, знает ли он телевизор. В общем, одни вопросы, а ответы находят только со временем».

На примере данной приемной семьи можно понять, насколько процесс формирования чувства привязанности приемной мамы зависит от ее изначального мотива взять ребенка на воспитание. Безусловно, большинство бездетных семей берут младенца из Дома ребенка или маленького ребенка из детского дома с намерением и тайной надеждой, что именно этот ребенок станет их ребенком. И от того, насколько приемные родители смогут почув-

ствовать эмоциональную теплоту, душевную близость в отношении к взятому ими на воспитание ребенку, настолько они и смогут сказать про своего ребенка: *«Это наш ребенок», «Он мой»*. И в процессе формирования чувства привязанности приемной матери к ребенку наступит такой момент, когда мать почувствует не только всю глубину родительской социальной ответственности за его жизнь, за его воспитание, за его образование, *но и ощущение жизненной силы, жизненной наполненности, истинной реализации материнской сущности, женской доли*.

Когда чувство привязанности приемных матери и отца к приемному ребенку сформируется и обретет в их семейной жизни настоящую силу, будет оптимальным *поменять статус семьи на более гармоничный и естественный – стать усыновителями*. И специалисты службы по сопровождению замещающих семей должны помочь приемной семье вовремя осознать себя как семью, готовую к усыновлению. Приемная семья проходит долгий путь привыкания к своему приемному ребенку, и приемный ребенок сможет за это время также почувствовать эмоциональную близость, теплоту к своим новым родителям. И будущее у благополучной приемной семьи, сумевшей сформировать чувство привязанности родителей к ребенку, лежит как раз в перспективе стать семьей усыновителей.

Даже если семья идет на усыновление младенца из Дома ребенка, ожидая, что она избежит хотя бы трудностей, связанных с двойственной природой чувства привязанности их младенца к кровной маме, ей, так или иначе, предстоит сформировать чувство привязанности к усыновленному младенцу. Мы считаем, что разусыновление, судебный процесс по отказу от усыновления ребенка, возникает во многом по причине невозможности сформировать чувство привязанности родителей к ребенку.

Однако следует учитывать, что детское чувство привязанности к кровной матери может быть стойким и нерушимым *хотя бы в воспоминаниях*, несмотря на все годы и невзгоды, несмотря на потерю надежды и веры на воссоединение и даже нежелание со стороны девочки видеть свою кровную мать. Приемный ребенок не может *просто «забыть»* своих кровных родителей, «выбросить их из головы», если сохраняется хотя бы малая толика его чувства привязанности к ним. Ребенок может продолжать нести в себе обиду на кровную семью, на весь мир, но при этом

бережно хранить определенные воспоминания, таящие наиболее душевные переживания, эмоционально насыщенные и поэтому наиболее уязвимые. Быть может, эти воспоминания и есть то единственное, что осталось у ребенка от его прежней жизни в кровной семье.

Участник пилотного экспериментального проекта Шипова О.Л. из Подмосковского города Орехово-Зуево пишет о своем личном опыте приемной мамы, взявшей на воспитание мальчика.

«О кровной семье приемного ребенка помогли узнать социальные сотрудники детского дома-интерната. Родители состояли в гражданском браке. Во всех действиях с ребенком прослеживалась безнадзорность и безразличие. Ели то, что придется, и не соблюдался никакой режим питания, о дневном сне ребенок не знал или не воспринимал его как режимный момент (захотел – поспал, не захотел – не спал). Гулял допоздна и приходил с улицы, когда все расходились по домам, а не когда мать позвала на ужин. Дошкольное учреждение ребенок никогда не посещал. Своей комнаты у ребенка не было. Спал ребенок в комнате с родителями на раскладушке. Личные вещи хранил в большой коробке из-под магнитофона.

*В детский дом ребенок попал после лишения родителей родительских прав за неисполнение своих родительских обязанностей. Адаптация проходила тяжело. Долгое время привыкал к тому, что все вещи общие, что существует режим дня, что за неисполнение он будет наказан. Со временем режим дня стал привычным делом, посещение занятий начали приносить плоды. Ребенку нравились игрушки для прогулок, что можно играть готовыми игрушками, а не сооружать их из подножного материала. Живой уголок вызывал восхищение, а кормление зверей стало любимой обязанностью. **Но, несмотря на все это, часто можно было услышать, что с мамой все равно лучше было или если бы это видела мама...** Из-за того, что ребенок пришел из семьи и принес с собой собственные вещи, возникали конфликты с другими детьми, которые не могли понять чувства собственности новичка.*

Теперь пища, одежда, игрушки воспринимались не как предметы первой необходимости, а как вещи, которые всегда принесут, постирают и приготовят. Начало развиваться потребительство. Если в группе появлялось что-то новое и интересное, ребенок наравне со всеми претендовал на личное пользование этим предметом и не желал делиться им ни при каких обстоятельствах.

С одноклассниками стали проявляться отношения манипуляции.

Когда подошла моя первая встреча с будущим сыном, я волновалась очень сильно, ночь перед этим не спала, все думала: «А вдруг я ему не понравлюсь?» Наступил тот самый день, и я приехала в детский дом с подарками для всех детей. Все дети группы прыгали и висли на мне. Я же улыбалась, а сама искала взглядом ребенка, которого еще не знала. Тут я заметила, что один мальчик сидит в стороне и не интересуется моими подарками. Я поняла – это был он. Подойдя к нему, я спросила: «Миша?», а он ответил: «Да», и рассказал, что его предупредили, что придут смотреть и он должен понравиться, и все такое. У меня в это время ком стоял в горле, я даже слова произносила как-то не так. Я смотрела на него и не оценивала с точки зрения красоты, ума или жизнерадостности. Этот ребенок просто уже был моим сыном...

Когда пришло время познакомиться с бабушкой, то я провела предварительную беседу с обоими. Ребенку я сказала, что у нас будет гость, это бабушка, она очень хочет с ним познакомиться... Но восторга не увидела.

– Я не хочу с ней знакомиться, – сказал сын.

– Почему? – спросила я.

– Я боюсь, а вдруг она не любит детей!

– С чего ты взял?

– Я не знаю.

Когда пришла бабушка, сын не стал выходить из комнаты, как я ни уговаривала его. Но на этом мы не остановились. Бабушка приходила каждый день и сидела у нас в гостях до тех пор, пока мальчик не вышел из комнаты и не подошел к ней сам».

Если приемный ребенок настроен во что бы то ни стало сохранить душевную близость со своей кровной мамой и папой через сохранение чувства привязанности к ним, то в такой ситуации приемные родители *должны помочь ему в этом*. Конечно, это сложная задача, выполнение которой требует особого *такта и чувствительности* как к чувствам приемного ребенка, так и к проявлению собственных чувств. Со временем проживания приемного ребенка в приемной семье возникает ситуация двойственного чувства привязанности: старого – к кровной семье и нового – к приемной семье. *Усилит ли эта двойственность доверие к семейным отношениям и к миру в*

целом или *ослабит* внутренним конфликтом – зависит от стратегии поведения самих приемных родителей, которым, как и всем людям на Земле, присущи и *ревность, и ранимость, и обидчивость...*

«Решение взять ребенка в приемную семью должно быть особенно хорошо обдуманым, если речь идет о детях более старшего возраста. В подобных случаях приемным родителям чаще всего приходится сталкиваться с позицией отрицания и неприятия, которую может занять ребенок школьного возраста.

Особенно большого терпения и такта требует подросток в приемной семье. Подросток воспринимает свою новую семью и приемных родителей (особенно мать!) двояко. С одной стороны, это женщина, которая предлагает ему свою заботу и любовь, с другой стороны – помимо его воли она ассоциируется у него с его биологической матерью, которая его предала и бросила».

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Лаферьева Е.П. из Ярославской области.

Как пример двойственной природы чувства привязанности ребенка, живущего в приемной семье, приведем следующие примеры из личного опыта участников экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей», будущих социальных педагогов семейного профиля.

Участник экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Слободяник И.И. из Карелии приводит пример одной приемной семьи:

«У нас есть один важный для сына ритуал – мы всегда приходим на могилу его кровной матери и ухаживаем за ней. Он сам красил оградку в этом году. Мы празднуем все праздники, ходим в церковь и берем сына с собой. Я читаю ему книги на ночь всегда, это наш ритуал. Ходит с отцом на рыбалку, а потом вместе готовят уху.

До сих пор наш сын чувствует вину за смерть матери, считает, что если бы он был рядом, то она бы не умерла, поэтому сильно боится за нас с мужем. Например, когда я заболела гриппом, он не отходил от меня и все время держал за руку.

Во время нашего первого семейного праздника, когда мы немного выпили с мужем, сын разбил бутылку с вином, испугался, что будем «как мама». Долго объясняли ему, что у нас непьющая семья и просто по традиции немного выпили».

Участник пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Ильина Н.В. из Карелии приводит пример из своего личного опыта:

«Ребенок испытывал страх потери маминой любви (точнее её и не было, мать пила и обвиняла его, своего сына, виноватым в разводе), он переживал, что виноват в разводе своим рождением, что мама несчастна, что мама пьет, а за квартиру платит нечем. Сейчас он сам отец. Однако до сих пор он иногда неадекватно ведет себя, исчезнув для всех вдруг. С 14 лет он работал грузчиком, чтобы зарабатывать на хлеб и за квартиру заплатить, пока мать пила. Он ждал от неё любви и признания. Так и не дождавшись, ребенком он убежал в свой вымышленный мир, а став взрослым мужчиной, он убегает в игровые клубы. Страх остаться никем, ненужным остался навсегда».

Приведенные выше примеры свидетельствуют не только о двойственной природе чувства привязанности, но и о том, насколько сильно процесс формирования чувства привязанности в детские годы влияет на этапы взросления, жизненного самоопределения, возможности завести свою собственную семью, воспитывать своих родных детей. Нарушенная, травмированная привязанность к кровной семье, равно как и отвергнутая кровными родителями по разным причинам привязанность к детям, мешает выстроить уже взрослому человеку и семейные отношения, и сформировать свое собственное чувство привязанности к своим кровным детям.

Вот что пишет участница пилотного экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» Черникова А.Ю. из Переславля-Залесского Ярославской области о том, каким образом формировалось у нее и ее мужа чувство привязанности к приемному сыночку.

«Родители были больны алкоголизмом. Павлик родился в день похорон своего отца. Подолгу находился в квартире закрытый, плакал от голода. Мама его долгое время отсутствовала. В четыре месяца Павлик попал в специализированный детский дом с нарушениями центральной нервной системы и психики города Калуги. Ровно в год мы его привезли домой».

Очень хотели второго ребенка. Дочка просила братика. Муж сына. Мы не планировали именно приемную семью. Увидев на сайте «Территория без сирот» фотографию Павлика, у нас не возникло сомнений. Это был наш малыш. Они очень похожи с дочкой».

Что-то необъяснимое двигало нашими чувствами. Чувства нас не подвели. Павлик сделал нашу семью еще более счастливой. Уже третий год мы вместе.

Первым на руки взял Павлика муж, тот его схватил за нос очень крепко. Внимательно изучал, не отрывая взгляда. Я сначала боялась взять на руки, были от волнения мысли «а вдруг испугается, вдруг заплачет». Через некоторое время взяла на руки, прижала к себе, понюхала головку и заплакала... Он очень радовался общению. У меня было чувство, что он нас давно ждет. Ощущение тепла его маленького тельца еще долго оставалось со мной...

Ребенку ставили очень серьезный диагноз – побледнение зрительных нервов обоих глаз. Очень боялась, что он ослепнет. Но написать отказ было еще страшнее – считала это страшным предательством по отношению к малышу. Диагноз оказался ошибочным. Это можно назвать просто чудом».

Участник проекта Замиралова М.В. из Кургана:

«Чем больше ребенок «вживается» в новую семью, чем больше в его душе прорастает привязанность к новым родителям, тем тревожнее ему становится, тем сильнее разгорается страх. А вдруг он опять все потеряет? Вдруг завтра эта новая жизнь закончится? Конечно, ребенок не осознает своих чувств. Он просто пытается справиться с тревогой, заглушить чувство страха. Все, что у вашего ребенка было в жизни, он терял. Все люди, которых он встречал, – исчезали из его жизни. Он никогда не знал, почему люди приходят и уходят. Он никогда не понимал, почему они ругают его или жалеют. Он и сейчас ничего не понимает. Почему он здесь? Когда его отвезут обратно? Если ребенок достаточно большой, он может начать спрашивать: «А когда я поеду назад, в детский дом?» Родители обижаются, считая, что ребенок их не любит и не ценит. Конечно, вы не собираетесь отвозить его обратно. Вы в этом абсолютно уверены. Вы говорили ребенку, что взяли его навсегда, что он теперь «ваш», что вы теперь – одна семья. Надо сказать, что ребенок, который прожил свою маленькую жизнь в казенном доме, плохо понимает, что такое «наш», «мой», «вместе». Он не знает, что такое «семья», что означает «мы тебя любим».

Как мы уже отмечали, формирование чувства привязанности приемного ребенка к своим приемным родителям зависит и от того, насколько приемный ребенок готов к новому этапу формирования своего чувства, насколько противоречива двойственная

природа его чувства привязанности, насколько гармонично ребенок может удерживать и чувства привязанности к своей кровной маме, и сформировать чувство эмоциональной теплоты и привязанности к приемной маме.

Атмосфера доверия и любви в семье в рамках не делового, а личного подхода зависит и от того, насколько приемные родители готовы принять, допустить сохраненное чувство привязанности своего приемного ребенка к кровной маме или отцу. Для того чтобы сформировать достаточно устойчивое чувство привязанности приемной мамы к своему приемному ребенку, необходимо взять под эмоциональный контроль и собственные чувства обиды и ревности за то, что приемный ребенок испытывает любовь и эмоциональную привязанность не только к ним, к приемной семье, к людям, у которых он живет, но и к своей кровной семье, которая внесла в его жизнь столько горя, разрушений, насилия. Приемный ребенок может сравнивать кровную и приемную маму между собой. Порой это происходит слишком явно, слишком жестко, почти невыносимо для еще только зарождающегося чувства привязанности приемной матери к своему приемному ребенку. И эта двойственная природа чувства привязанности приемного ребенка может стать настоящей преградой на пути формирования чувства привязанности приемных родителей к ребенку.

Ощущая сложности на пути преодоления обиды, ревности, ранимости женского сердца, некоторые приемные матери теряют надежду на формирование устойчивой эмоциональной близости со своим приемным ребенком. А от психологического состояния приемной матери во многом зависит состояние всей приемной семьи в целом, поскольку большая часть ответственности в семье лежит именно на женщине. Препятствия на пути формирования чувства привязанности приемной матери к приемному ребенку могут убедить приемную мать в том, что важно довести свое «чадо» до 18 лет и дать ему максимум опыта, подготовить его к самостоятельной жизни. Таким образом, многие приемные семьи становятся по сути своей патронатными семьями, т.е. семьями, которые осуществляют профессионально воспитание ребенка или детей, лишенных родительской опеки.

В итоге мы считаем, что процесс формирования чувства привязанности является той разделительной чертой, определяющей, будет ли приемная семья в перспективе усыновительной семьей

или останется профессиональной, приемной, патронатной семьей, занимающейся воспитанием ребенка, лишенного родительской опеки, на возмездной основе. То есть у замещающей семьи возможны в принципе две стратегии развития: первая стратегия связана с *личностным подходом к воспитанию* и опирается на эмоциональную близость в семье, на формирование чувства привязанности и преодоления всех преград и трудностей на этом пути. Вторая стратегия связана исключительно с *деловым, профессиональным подходом* и опирается на юридическую подоплеку возмездного договора, в рамках которого профессиональная семья обязана воспитывать приемного ребенка до 18 лет. А по истечении срока действия договора совершеннолетний приемный сын или дочь возвращается в свою кровную семью либо начинает жить самостоятельно в полученном от государства жилье.

Можно еще и так определить данные стратегии: первая стратегия направлена на то, чтобы приемная семья создала все условия для того, чтобы приемный ребенок стал «их ребенком» и социальное родство переросло, трансформировалось в более гармоничную, душевную, семейную близость. Вторая стратегия направлена на то, чтобы приемная семья относилась к приемному ребенку как не к своему родному ребенку, а как к «государственному ребенку, оставшемуся без попечения родителей» и обеспечивала все достаточные для воспитания и образования условия, избегая формирования чувства привязанности и эмоциональной близости.

Еще на этапе диагностики и подбора приемных семей, изучая их мотивацию и потенциал, можно в какой-то мере определить, к какому подходу тяготеет та или иная семья: к деловому, профессиональному подходу или к личному, душевному единению семьи. И в зависимости от этого можно с некоторой долей уверенности предположить, будет ли данная приемная семья создавать условия для формирования чувства привязанности в принципе, преодолевая связанные с этим трудности. А без устойчивого чувства привязанности становятся невозможными близкие отношения в приемной семье после того, как приемный ребенок стал совершеннолетним.

Елена Гобова

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист»

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ВМЕСТЕ

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. – 120 с.
Подписано в печать 01.11.2014
Тираж 1000 экз.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»
www.timchenkofoundation.org
Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1, бизнес-центр «Нордстар»

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org